

Иван Бокий

ВЕТВЬ
ПУШКИНСКОГО
РОДА

**ВЕТВЬ
ПУШКИНСКОГО
РОДА**

Александр Мухоморов

Иван Бокий

**ВЕТВЬ
ПУШКИНСКОГО
РОДА**

**Полтавские
потомки поэта
ОЧЕРКИ**

*Издание второе,
дополненное*

**ХАРЬКОВ
„ПРАПОР“
1986**

ББК 83.3Р1-8 Пушкин А. С.
Б78

Рецензенты:
М. Ф. Гетьманец,
доктор филологических наук,
В. М. Шевелев,
кандидат филологических наук.

Художник Н. И. Стратилат

Бокий И. С.

Б78 Ветвь пушкинского рода: Полт. потомки поэта: Очерки.—2-е изд., доп.—Х.: Прапор, 1986.—143 с.

В сборнике очерков журналист, заслуженный работник культуры УССР, лауреат премии имени Ярослава Галана И. Бокий рассказывает о жизни и трудовой деятельности наиболее значительных представителей полтавской ветви пушкинского потомства.

Б $\frac{4702010200-060}{M218(04)-86}$ 50—86 ББК 83.3Р1-8 Пушкин А. С.

© Издательство «Прапор», 1982
© Издательство «Прапор», 1986,
с изменениями

„РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК В ЕГО РАЗВИТИИ...“

Многие поколения читали известный гоголевский шедевр «Несколько слов о Пушкине», всегда поражались гениальному пророчеству большого писателя: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет». Самое поразительное здесь не то, что слова эти сказаны и напечатаны при жизни поэта, и сам он мог их читать, — наверное, Пушкин знаком был со статьей еще в рукописи, если учесть характер его отношений с Гоголем, да, очевидно, и сам он хорошо понимал значение содеянного им для будущего. Но Гоголь говорит не только о творчестве поэта, хотя, конечно, это в нем главное, но о Пушкине — личности, явлении русского духа, для него он — русский человек в его развитии, каким видится ему через два столетия.

Великий дар, большое счастье — увидеть человека будущего в своем современнике!

Конечно же, двести лет — это не абсолютный срок, и мы, люди последней четверти двадцатого века, хорошо понимаем, куда Гоголь устремлял свою мысль. Пушкин для него прежде всего «явление русского духа», «русский человек в его развитии». Поколения русских революционеров, герои Великого Октября, творцы рекордов первых пятилеток, воины Великой Отече-

ственной, наши современники — разве это не явления того же рода, разве русский, советский человек не явил в них высоту духа, полет мысли, силу характера в чистоте и красоте, которые, следуя Гоголю, можно измерить только пушкинским величием!

Я не удивился, когда обнаружил, что в размышлениях своих не оригинален. В «Путевом журнале писателя» Павла Григорьевича Антокольского я нашел изумительнейшее толкование гоголевских слов. «У нас есть основательное право приблизить срок гоголевского предсказания к нашему сегодняшнему времени», — пишет Антокольский. Речь, говорит он, «обо всем нашем обществе в его органическом единстве, или, еще точнее и строже, — о тенденции его развития».

У него же я нашел ключ к главной идее этой книги:

«Что же касается наших дней, нашего существования на родной земле, то с полным правом мы утверждаем: жизнь Пушкина продолжается, и она сегодня в полном разгаре». И далее: «...Пушкин продолжается в тысячах русских жизней и судеб... Любой смелый поиск наших современников, любая одушевленность, любая самоотдача сродни Пушкину».

Если это верно в отношении тысяч, миллионов наших современников, то и о потомках нашего национального гения можно с уверенностью сказать: они не только физически продолжают бег пушкинской крови, но и в деяниях своих, жизни, смелом поиске, истинной одухотворенности, служении великим идеалам Советской Родины являют пример идейной убежденности, активной жизненной позиции, самоотдачи, твердости

характера,—всего того, что предвидел в «русском человеке в его развитии» Гоголь.

В этой книге речь идет о наших современниках — полтавских потомках Александра Сергеевича Пушкина. Жизнь каждого из них интересна, отмечена особенностями нашего времени. Организатором первых детских яслей и области, педагогом-воспитателем многих поколений детей рабочих была Софья Николаевна Данилевская. На весь мир прославился видный ученый, доктор биологических наук, профессор Александр Сергеевич Данилевский. Активно участвовала в коллективизации сельского хозяйства в Полтавской, Харьковской и Дрогобычской областях Ирина Сергеевна Данилевская. Сотни, может быть, тысячи солдатских жизней спасла на полях сражений Великой Отечественной войны Марина Сергеевна Чалик. Своим трудом украшала землю, повышала ее плодородие ученый-луговод Мария Сергеевна Данилевская. Много лет жизни отдала воспитанию детей Наталья Сергеевна Савельева. Существенный вклад в преобразование облика полтавского села вносит инженер-проектант Николай Владимирович Савельев. Есть в книге рассказ и о самых молодых представителях пушкинского рода — Владимире и Алексее Савельевых.

Первый очерк посвящен основательнице полтавского «гнезда» пушкинского рода — Марии Александровне Пушкиной-Быковой, внучке поэта. Все годы своей жизни, прожитые при Советской власти, она посвятила воспитанию внуков и правнуков, которые стали настоящими людьми, самоотверженными сыновьями и дочерьми Родины, высоко несут славу, честь и гордость рода великого Пушкина.

Книга не исчерпывает большой и интересной темы. Читателя, который хотел бы более подробно проследить родословную потомков поэта, отсылаем к увлекательной, глубоко научной книге псковского журналиста В. М. Русакова «Потомки Пушкина», вышедшей в 1978 году вторым изданием в Лениздате.

Главная же идея этой книги — показать, как в судьбах представителей полтавской ветви пушкинского рода продолжается жизнь великого русского поэта.

ДУМ ВЫСОКОЕ
СТРЕМЛЕНЬЕ...

*Но если, обо мне потомок поздний мой
Узнав, придет искать в стране сей отдаленной
Близ праха славного мой след уединенный —
Брегов забвения оставя хладну сень,
К нему слетит моя признательная тень,
И будет мило мне его воспоминанье...*

А. Пушкин

„БЕРЕГ МИЛЫЙ ДЛЯ МЕНЯ“

Мария Александровна Пушкина-Быкова

Машенька Пушкина уже третий год жила в подмосковной Лопасне. Когда в 1875 году умерла ее мать, Софья Александровна Ланская, Александр Александрович Пушкин, обремененный военной службой — он командовал старинным, созданным еще в петровские времена, 13-м Нарвским гусарским полком, решил отправить девятерых детей на воспитание к двоюродной сестре покойной жены, любимой их тетке — Анне Николаевне Васильчиковой.

Жили они в окружении родни — Пушкиных, Гончаровых, Ланских. Детей учили домашние учителя. Мария, так же, как и Наталья — старшая сестра, Александр, Ольга, Анна (другие были поменьше), хорошо усваивали французский, немецкий, английский языки, родную литературу, историю. Жили дружно, радостно, но детям не хватало отцовской ласки. Когда позволяла служба, Александр Александрович приезжал из Вильно, и эти нечастые приезды превращались в настоящий праздник для детей. Старшие — Наталья и Мария — расспрашивали

о дедушке — Александре Сергеевиче, читали ему наизусть его стихи — бесхитростный, но бесконечно дорогой подарок отцу.

Помнила Машенька, как Александр Александрович выступал с полком в Болгарию в мае 1877 года. Сейчас она ждет весточки из далекой Болгарии.

Где-то там идут ожесточенные бои. Русские братья-воины отстояли Шипку, героически сражаются на болгарской земле, пять веков томившейся под османским игом. Полк под командованием Александра Александровича Пушкина освобождает один за другим населенные пункты.

Жадно вчитывается в письма отца Мария. Он сообщает, что весь личный состав полка получил знак на головной убор с надписью: «За отличие в турецкой войне 1877—1878 гг.». Сам полковник награжден золотой георгиевской саблей с надписью «За храбрость» и орденом святого Владимира 4-й степени с мечами и бантами.

А еще, сообщает сын поэта, золотым оружием награжден ротмистр Николай Владимирович Быков.

Быков? Мария вспоминает знакомое имя. Да, это он — племянник Николая Васильевича Гоголя. Отец, приезжая из Вильно, и последний раз — из города Янова Люблинской губернии, рассказывал, что в полк прибыл выпускник юнкерского училища, племянник друга его отца, и он взял его к себе адъютантом. У него тоже нет матери, вырос у тетки.

Для своих шестнадцати лет Мария довольно начитанна и образованна. У отца была богатая библиотека: он собрал почти все издания произведений Александра Сергеевича. В доме хранились рукописи Пушкина, принадлежавшие ему

вещи: чернильница со статуэткой негра, портрет матери поэта — Надежды Осиповны, диплом об избрании его членом Российской Академии, конторка красного дерева... Долго всматривалась Маша в портрет деда, написанный Орестом Кипренским... Поискав немного в домашней библиотеке, находит «Выбранные места из переписки с друзьями». Гоголь и Пушкин подружились задолго до трагической развязки. Шесть лет продолжалась дружба двух гениев русской литературы. «Пушкин заставил меня взглянуть на дело серьезно,— читает девушка признание Гоголя.— Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение, и, наконец, один раз, после того, как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: «Как с этой способностью угадывать человека и несколькими штрихами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение! Это просто грех».

Из разговоров в семье Мария знала, что ее дед, Александр Сергеевич, подсказал Гоголю сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ». Помнила и то, что именно он подметил в младшем собрате дар «выставлять так ярко пошлость пошлого человека...». «Все, что есть у меня хорошего,— писал Николай Васильевич,— всем этим я обязан ему».

Каков же он, племянник Гоголя? Отец хвалил его, да и награды о многом говорят. Смел, храбр — это ясно. Красив ли? Для девушки в ее возрасте такие мысли были естественны. Приходилось ждать, может, увидятса...

И вот, наконец, радостная весть: 13-й Нарвский гусарский полк снова в Вильно. Он приглашает из Лопасни старших дочерей навестить его. Мария знакомится с молодым, интересным офицером Быковым. Он глубоко любит и чтит творчество своего дяди, знает наизусть множество стихов Пушкина...

Александр Александрович решил взять детей к себе. У него часто гостит сестра, Мария Александровна Гартунг, недавно овдовевшая, одинокая, она воспитывает его детей. Полк переводят из Вильно в Козлов. Переезд не меняет полкового обычая собираться по воскресеньям у командира. Общество офицеров украшают их жены и прелестные дочери полковника. Присутствующие наблюдают: любовь адъютанта командира полка и Марии Пушкиной день ото дня крепнет. Чувство молодого, но бывалого офицера и юной, миловидной девушки вызывает уважение.

Объявлена их помолвка. Александра Александровича в это время производят в генералы и назначают бригадным командиром. Офицеры тепло прощаются со своим старшим товарищем. В память о боевой дружбе ему подносят настольные часы, на их циферблате вместо цифр — названия болгарских пунктов, освобожденных полком в турецкой войне.

...Николай Быков уезжает улаживать свои дела на родину, в Полтавскую губернию. Мария с нетерпением ждет свадьбы. Горячее чувство не мешает ей понимать и общественную значимость их будущего брачного союза: в потомстве роднятся Пушкин и Гоголь, гордость национальной литературы, обличители существующего строя, глубоко верящие в историческое предначертание своей Родины — России...

30 августа (11 сентября) 1881 года в Лопасне генерал Александр Александрович Пушкин вручает судьбу своей дочери Марии поручику Николаю Владимировичу Быкову. Вот они, свидетели их верности, пронесенной через всю жизнь, символы, объединившие род Пушкиных с родом Гоголей, положившие начало полтавскому «гнезду» потомков гениального русского поэта, — золотые кольца, внутри которых надписи: «Мария (30 августа 1881 г.)» и «Николай (30 августа 1881 г.)». Их бережно хранили правнучка поэта, дочь Марии Александровны и Николая Владимировича Софья Николаевна Данилевская, а теперь ее дочь Марина Сергеевна Чалик.

Вскоре после свадьбы Николай Владимирович выходит в отставку, молодая чета переезжает в Полтаву. Молодоженов радушно встречает Анна Васильевна Гоголь. Она заменила племяннику и еще четверым его братьям и сестрам рано умершую мать, свою сестру Елизавету Васильевцу. Одобрив выбор племянника, она по-женски влюбляется в его жену — воспитанную, трудолюбивую. Как может, помогает им обосноваться на полтавской земле.

Вскоре Быковы переезжают в Васильевку, родное село Гоголей. Ехали через Диканьку, и Мария Александровна жадно улавливала очертания знакомых по «Полтаве» мест. Вот они, дубы на въезде, — впятером один не обхватить! И вспомнились ей пушкинские стихи:

Цветет в Диканьке древний ряд
Дубов, друзьями насажденных.
Они о праотцах казненных
Доныне впукам говорят.

Как, не видя могучих деревьев, дед смог передать это тревожное впечатление от вековых аллей? Или это впечатление навевают ей стихи?..

И еще вспомнила дорогой Мария Александровна, что, по семейным преданиям, где-то здесь, поблизости, недалеко от Великой Рублевки, за рекой Коломак похоронен ее пращур Алексей Иванович Ржевский, защищавший землю русскую от татар и умерший от чумы 13 мая 1690 года. Великий дед знал и помнил о своем родиче, нашедшем вечный приют в этих степях...

В Васильевке их встретила сестра Гоголя Ольга Васильевна Головня. Николаю Владимировичу принадлежали две трети гоголевского имения. Здесь, на противоположном от дома Ольги Васильевны берегу пруда, и разместилась чета Быковых.

Николай Владимирович знакомит юную жену со своим родовым имением, живописной природой гоголевских мест.

Многое, очень многое напоминало Марии Александровне в Васильевке о том, кто был близок ее гениальному деду. Ольга Васильевна показывала ей подворье, где любил бегать маленький Николенька, рассказывала о том, что здесь обдумывались, писались целые главы «Мертвых душ», и она представляла писателя стоящим у конторки чуть ли не целый день.

Ее очаровывал пруд, построенный отцом Николая Васильевича Гоголя, Василием Афанасьевичем и его крепостными. Ольга Васильевна с грустью рассказывала ей, как любил ее брат купаться в детстве, как в юности и в зрелые годы, приехав из Петербурга, любил Николай Васильевич на плотике переплывать к дому одинокой женщины на вечерницы, чтобы послушать

песни и легенды родного края. А старый гротик был таким, каким его видел писатель: с рябиной по сторонам, березками, кружком белых роз.

С Николаем Владимировичем они часто прогуливались то на берег Голтвы, в Стенку, то в Яворовщину. Иногда могли пойти в Яворовщину пешком,— она в двух с половиной километрах от их усадьбы. Здесь было любимое место отдыха Гоголя. Яворовский лес перешел ему в наследство от бабушки, Татьяны Семеновны Лизогуб-Гоголь, с чьим именем в семье связана романтическая история. Дочь богатых родителей влюбилась в домашнего учителя Афанасия Демьяновича Гоголя-Яновского. Отец и мать не признали неравного, по их понятиям, союза, лишили ее приданого, и она, собрав вещи, ушла с любимым из дому. Где-то повенчались, долго бедствовали вдвоем в Миргороде. Только после смерти родителей братья подарили ей Васильевку. Василий Афанасьевич Гоголь, единственный сын, родился у супругов только на четырнадцатом году после женитьбы. Татьяна Семеновна прекрасно рисовала, в ее доме был своеобразный музей казацкой одежды, и Мария Александровна, любуясь этой коллекцией, иногда думала: может, от бабушки перенял Николай Васильевич художнический дар (а что он прекрасно рисовал, она знала), может, от нее у него такая любовь к седой старине, к ее быту и обычаям?

В Яворовщине Гоголь отдыхал душой. Николай Владимирович показывал юной жене родник, из которого пил целебную воду писатель,— журчащий ручей хранил память о том, кому дарил вдохновение. Она застала следы псеки, кусты ольшаника; душистые травы распростра-

няли аромат на всю округу. Еще примечала, как тянутся кроной ввысь, в небеса дубы, клены, бересты, липы.

К Стенке, как и во времена Гоголя, они ехали на конях вскачь. Зеленый лесной ковер стеной опускается к обрывистому берегу Говтвы — место и вправду для поэзии. Она всматривалась в панораму приголтвянских лугов и сел и находила отдохновение душе. Внизу манили к себе терн, лесная земляника, боярышник. Воистину — заколдованное место: «под ногами круча без дна, над головою свесилась гора и вот-вот, кажись, так и хочет оборваться на него!»

Старая няня Меланья Дрыга рассказывала Марии Александровне о Николае Васильевиче, о его родителях. По вечерам собирались родственники, приходили крестьяне — дом Быковых славился хлебосольством — и пели. Внучка Пушкина с истинным наслаждением слушала мелодичные украинские народные песни, а уж молодой муж, большой мастер пения, старался ей раскрыть сокровенные мысли, чувства, выливавшиеся в них. Исполнялись и написанные им самим романсы, разыгрывались домашние спектакли, читались стихи — Николай Владимирович пробовал писать, но не печатался. В роду Пушкиных и Гоголей придерживались никем не установленное, но тем не менее строгого правила: лучше великих предков не напишешь...

Родные места мужа, навеявшие ее великому деду одно из поэтических его созданий — «Полтаву», заставляли Марию Александровну пристально изучать жизненную основу поэмы, которую сам Пушкин называл «самой зрелой из всех моих стихотворных повестей». И чем даль-

ше она знакомилась с рассказами друзей, народными преданиями о Полтавской битве, о любви Матрены Кочубей и Мазепы, тем больше убеждалась в правоте Александра Сергеевича, который, характеризуя это чувство в Мазепе, писал: «Однако ж какой отвратительный предмет! Ни одного доброго, благосклонного чувства! Ни одной утешительной черты! Соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость...» Ее поражала глубокая историческая правда творения деда, показавшего торжество молодой России в борьбе с врагами, крах — политический, моральный, личный — предателя Мазепы. Для нее было понятно, почему Пушкин назвал свою героиню Марией: «имя нежное Марии» было любимым для поэта еще со времени его любви к Марии Раевской-Волконской, это имя он дал и старшей дочери, а сын поэта назвал им ее, внучку Александра Сергеевича...

Мария Александровна, женщина деятельная, умная, не только взирала на прелести сельской жизни. «Вихорь жизни молодой» она понимала совершенно по-другому. С первых дней своих в гоголевском поместье она внимательно изучает жизнь и быт крестьян, замечает, как несладко живет людям в селе, как страдают они от болезней. И по примеру Ольги Васильевны решает организовать своеобразную «скорую помощь». Один из шкафов дома она отводит для лекарств. На его полках стояли различные настойки, капли валерианы, сердечные, от кашля, градусники, весы и т. д. Хозяйка сама ездила за ними в Полтаву, Миргород, в Шишаки к земской фельдшерице... Крестьяне шли к ней за помощью, она выдавала лекарства, перебинтовывала раны. Эту свою благотворительную деятельность Мария

Александровна продолжала все годы, проведенные в деревне. И стар, и млад знали: случится беда — Мария Александровна всегда поможет, день ли, ночь ли на дворе.

Она организовала также воскресную школу для крестьянских детей, которые не могли посещать земскую школу. Мальчики и девочки из беднейших семей обучались в ней грамоте, арифметике, лучших учеников она награждала книгами. Под ее руководством ребята ставили также одноактные спектакли, в частности водевиль Василия Афанасьевича Гоголя «Простак».

Мария Александровна взяла на себя эти обязанности добровольно. И муж всегда помогал ей. Сам он поддерживал с крестьянами хорошие отношения, позже в земстве ему доставалось за либеральные взгляды. Деятельно помогал он беднякам — зерном, мукой, лошадьми, добрым советом.

Новый, 1883 год принес им большую радость — родился их первенец Александр. Быковы имели десять сыновей и дочерей. Хлопот добавлялось с каждым годом, но Мария Александровна переносила их стойко и мужественно. Мудро воспитывала детей. Одним из правил ее материнской педагогики было отвержение сословных предрассудков, воспитание доброго отношения к крестьянским детям. Сыновья и дочери не отделялись от детей прислуги, крестьян, которых приглашали в гоголевский парк, к пруду, на детские праздники. В школе она с мужем устраивала новогодние елки. Она считала, что демократизм должен быть не показной, а идущий от души, органический, чувства же добрые должны жить в человеке сизмальства.

Мария Александровна много и увлеченно читала. Она выписывала литературные журналы и газеты не только петербургские и местные, но и зарубежные, старалась быть в курсе литературных событий. Этому способствовали и поездки к родным. Гости у отца в Лопасне и Малом Останкине, слышала разговоры о перипетиях с изданиями произведений и писем Пушкина, об огромном внимании читающей России к наследию поэта. В семье увлекались Тургеневым, Чеховым, поддерживали принципиальную позицию Короленко, поднявшего голос в защиту крестьян Великих Сорочинцев от произвола царских властей.

Прогрессивная общественность Полтавщины знала и уважала семью Быковых. Многие ценили их как людей глубоко демократических взглядов, которые в своей общественной деятельности были верны традициям Пушкина и Гоголя.

Несколько раз в семье Быковых гостил Владимир Алексеевич Гиляровский. «Король» прогрессивной русской журналистики крепко подружился с Николаем Владимировичем, и эта дружба была по-человечески нужна обоим. Люди веселого нрава, прекрасные собеседники, они, встретившись, уже не могли обходиться друг без друга. Часто обменивались письмами. Быков подарил Гиляровскому альбом «Гоголь на родине» и получил в ответ альбом «Дума за думой» со стихами и автографами популярных поэтов того времени.

Гиляровский оставил теплое воспоминание о Марии Александровне, которая признала его другом семьи и всегда высоко ценила его.

Благотворительная деятельность Марии Александровны и Николая Владимировича горячо одобрялась Гиляровским. Он и сам следовал этой доброй традиции. Гости в семье Быковых, он вместе с ними выезжал в Миргород, встречался с людьми, помнившими Гоголя. В одной такой поездке он узнал о тяжелой судьбе талантливой крестьянской девушки Христины Волторнист, вольной слушательницы местной художественно-керамической школы. Девушка стремилась овладеть секретами живописи, но не имела для этого средств. Гиляровский оказал ей денежную помощь, рассказал внучке Пушкина о крестьянке, которая хорошо владеет кистью и к тому же слагает стихи. Память об этом событии народная поэтесса Христина Дмитриевна Литвиненко-Волторнист пронесла через всю свою долгую жизнь (она прожила почти 95 лет и умерла 8 января 1978 года). Рассказывая о нем, она всегда называла рядом имена Марии Александровны Пушкиной и Владимира Алексеевича Гиляровского, внучки поэта и известного журналиста.

Литераторы любили посещать гоголевскую Васильевку (или Яновщину — село имело двойное название по имени отца Гоголя Василия Афанасьевича и по второй его фамилии — Яновский). Потомки Гоголей и Пушкина принимали гостей, делились семейными воспоминаниями, показывали реликвии — гоголевские письма, личные вещи, часы Пушкина, подаренные им Жуковскому и переданные последним Гоголю. На память об этом каждый гость расписывался на скатерти, потом эти своеобразные автографы вышивались гладью. Молодую семью навестили Антон Павлович Чехов, Григорий Петрович Да-

нилевский. Но не все, приезжая на родину Гоголя и зная, что здесь живет внучка Пушкина, осмеливались посещать семью Быковых, нарушать покой хозяев. Они осматривали усадьбу, приглядывались к природе, земле, родившей гения. Среди приезжих был и начинающий писатель Иван Алексеевич Бунин, ставший потом одним из крупнейших русских художников слова. Он служил тогда в Полтавской губернской земской управе статистиком и путешествие в эти края предпринял специально. Почему он не зашел к Быковым? В романе «Жизнь Арсеньева» и дневниковых записках он вспоминает о поездке кратко. Но, наверное, им руководило то же чувство благоговения, которое однажды испытал, стоя в Страстной церкви рядом с сыном поэта Александром Александровичем,— ведь Пушкина он боготворил, преклонялся перед ним. А между тем Мария Александровна с интересом читала его выступления в неофициальной части «Полтавских губернских ведомостей», которые на целый год стали органом прогрессивной группы статистического бюро земской управы. Внучка Пушкина заметила Бунина, следила за его ростом и славой...

Все, кто знал Марию Александровну, отмечали ее несомненный дар человеческого общения. В семье она культивировала отношения доброты, благородства, взаимной уступчивости, нетерпимости к фальши, обману. Этому же учил детей и Николай Владимирович. Они трогательно заботились друг о друге. Прожив вместе тридцать семь лет, Быковы не знали ссор, взаимных обид и унижений. Нравственную сущность их брачного союза составляли чистота и высокая

культура отношений, развитое чувство долга и, конечно же, прежде всего — любовь.

Дети подрастали, домашнее воспитание и обучение, которое целиком взяла на себя Мария Александровна, дало много, но оно не могло заменить систематического образования. Быковы переезжают в Полтаву. Николай Владимирович работает в губернской земской управе. Здесь, как отмечает одна из его современниц, собрались «люди интересные, идейные», многие из них приобщились к революционной деятельности. Племянник Гоголя к этому кругу не принадлежал, но, входя в «левое» крыло земства, выступал за улучшение положения крестьян. Как вспоминала его дочь Софья Николаевна Данилевская, он особенно возмущался столыпинской реформой, которая ухудшила и без того трудное положение безземельного крестьянства.

Мария Александровна, разделяя взгляды мужа, по-прежнему много времени отдавала обучению детей, воспитывала их на традициях уважения к жизни трудового народа. Она горячо откликнулась на душевный порыв своей дочери Софьи, которая, поработав два года в земстве, движимая желанием помочь крестьянам в их нелегком труде, организовала в начале этого столетия в усадьбе Гоголей, в Яновщине, первые на Полтавщине летние детские ясли. Внучка Пушкина и племянник Гоголя взяли ясли на полное свое обеспечение.

Подобной благотворительной деятельностью занималась и Наталья Александровна Воронцова-Вельяминова. Сестры, переписываясь между собой, обсуждали вопрос: чем еще можно помочь бедным? Они помогали учиться детям бедняков, организовывали библиотеки, устраи-

вали сирот в приюты, обеспечивали нуждающихся топливом... И обе мучились, терзались переживаниями: как все-таки этого мало, недостаточно для истинного улучшения положения бедноты...

Дочери подрастали, выходили замуж, появлялись внуки. Мария Александровна уходит в новые для себя заботы. Ближе всех — в Олефировке Миргородского уезда живет дочь Софья. Ее дети подолгу гостят в Яновщине, и бабушка нянчится с ними, терпеливо учит их читать и писать.

— Она была очень умелым воспитателем, — вспоминает Мария Сергеевна Данилевская. — Живо подмечала смену наших настроений, переключала внимание на что-то новое, перемежала учение веселыми играми, занятиями спортом. До сих пор помню, как захватывало наши юные души такое зрелище: бабушка вместе с нами прыгает через веревочку, лепечет при этом по-детски какие-то скороговорки, а потом ведет всю ватагу к пруду. Она хорошо плавала, и нас с сестрой Ирой научила держаться на воде, переплывать от берега к берегу.

Когда началась первая мировая война, внучка Пушкина записалась в члены благотворительного общества Красного Креста. Оставались старики, одинокие матери, вдовы, сироты, чьи кормильцы были убиты на войне, и члены общества организовывали им материальную и врачебную помощь. Мария Александровна побывала в сотнях семей на Подоле и Кобыщанах, вызывала к больным врачей, устраивала сирот в приют, участвовала в медицинском обследовании населения.

Еще до Октябрьской революции семья пушкинских и гоголевских потомков близко сходится с семьей Владимира Галактионовича Короленко. Это были отношения взаимного уважения и доверия. Когда Короленко в трудные после-революционные годы организовал «Лигу защиты детей», он привлек к ее работе и Марию Александровну.

Революцию внука Пушкина приняла безоговорочно. Воспитанная на традициях гуманизма и уважения к труду, она без каких-либо потрясений перенесла утрату права собственности на землю и твердо решила жить в Стране Советов. В Советской власти внука Пушкина видела прежде всего избавление миллионов угнетенных от нищеты и униженного положения. Много страданий принесла ей весть о том, что в силу трагических недоразумений и драматических обстоятельств ее дочери Елизавета, Наталья, Анна и Елена оказались за рубежом. Но на сделанный ею выбор это не повлияло.

Свидетельством ее доверия к Советской власти был такой патриотический поступок: в марте 1919 года она вместе с дочерьми Софьей, Марией и Татьяной безвозмездно передала Комитету по охране памятников старины, природы и искусства при Полтавском Совете рабочих и крестьянских депутатов на государственное хранение в Полтавском краеведческом музее хранившиеся у нее пушкинские и гоголевские реликвии — мебель, письма, рисунки, картины и вещи личного пользования. Часть семейных реликвий была передана в 1921 году. Среди них — золотые карманные часы Пушкина, которые Жуковский в 1838 году подарил Гоголю, портрет Гоголя работы Моллера, портрет Натальи Николаевны

Пушкиной. Об этом сообщалось в советской печати как о поступке, достойном уважения, служащем увековечению памяти выдающихся деятелей культуры прошлого, творчество которых трудящиеся берут на вооружение в строительстве нового общества.

В те же годы Советское правительство отдало Марии Александровне и ее семье в распоряжение и бесплатное пользование усадьбу Анны Васильевны Гоголь в Полтаве. Внучка Пушкина поселяется здесь с дочерьми и внуками. Совет Народных Комиссаров СССР назначает ей персональную пенсию.

Старожилы Полтавы хорошо помнят Марию Александровну двадцатых-тридцатых годов. Сопратница Антона Семеновича Макаренко Елена Николаевна Григорович незадолго до своей смерти вспоминала:

— Мы, соседи, находили в ней много, роднившего со знаменитым дедом. Небольшая, сухонькая, она напоминала Александра Сергеевича, каким мы его знаем по воспоминаниям, быстрой походкой, осанкой.

Любила повозиться на огороде. На большой лужайке перед домом у нее росла картошка, и она не уставала обрабатывать участок — полола, окучивала растения. Много разводила цветов, дарила их людям...

Исполнены заботами о новом, молодом поколении, о внуках, которые учились, входили во взрослую жизнь, были последние годы Марии Александровны. Щедрость своего сердца она отдавала не только своим родным, но и всем, с кем приходилось ей общаться.

Антонина Семеновна Верещагина-Воскобойник, дочь погибшего лубенского рабочего-желез-

подорожника, которая в двадцатых годах, учась в землеустроительной профшколе, три года жила в семье пушкинских потомков, вспоминает:

— Мы с Ирой, внучкой Марии Александровны, иногда приводили с собой по восемь-десять парней и девушек. Да что — иногда! Так бывало почти каждый день. Бабушка — так ее называли все — принимала нас сердечно, подолгу разговаривала с нами. А мы сидим и слушаем ее рассказы о Пушкине, о его произведениях. Как она умела говорить — не спеша, все хорошо продумав, но значительно, как глубоко знала творчество Александра Сергеевича! Иногда мы злоупотребляли ее добротой — просили помочь написать сочинение о Пушкине. И она, надеясь только на свою память, подсказывала нам тезисы, цитаты, интересные мысли, факты. А потом садилась за рояль и вместе с нами пела русские песни и романсы. Любила и новые, революционные песни. После таких вечеров ребятам не хотелось расходиться, и пушкинский дом потомков привлекал их вновь и вновь...

— В общем-то, в семье Данилевских, где жила Мария Александровна, можно было пошуметь, повеселиться, шутку здесь понимали, — вспоминает Мария Никифоровна Вязун, учившаяся в те же годы в землеустроительной профшколе. — Тон задавала сама бабушка, неутомимая выдумщица. Но в ее облике всегда было что-то такое, что сдерживало нас от неуместных шалостей, дурашливого баловства. При ней этого просто не хотелось. В квартире были интересные книги, нам предлагали заняться более интересными вещами. Я подметила: и внуки у нее отличались серьезным отношением к жизни.

А воспитывала их — в прямом смысле этого слова — она, ведь Софье Николаевне приходилось работать на всех...

Внучка Пушкина любила полтавскую землю, ставшую для нее родной и близкой. Любила людей, природу, среди которой прошли лучшие годы ее жизни, выросли дети, внуки. Изю всех пушкинских стихов она особо любила «Зимнее утро»:

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня.
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Этот милый берег полтавского края, ставшего для нее родным, позвал ее в последний путь...

Несколько лет Мария Александровна прожила в Москве, где жила ее младшая дочь Татьяна Николаевна Галина. Под заботливой рукой бабушки вырастал самый младший ее внук Георгий, Гарик.

Здесь и настиг ее инсульт. Поправлялась медленно, ей нужен был привычный климат южной полтавской лесостепи.

Софья Николаевна забирает мать к себе. Мария Александровна поправляется, ее окружают дети, возле них она отдыхала душой. Маленькие Коля и Лида Савельевы, дети внучки Натальи Сергеевны, дарят ей радость, ощущение юности жизни.

В это время в семье появляется девятилетняя падчерица Ирины Сергеевны Данилевской — Галя Кононенко, девочка сложной судьбы. Как вспоминала она в зрелые годы, с первых же

дней душой «приклеилась» к Марии Александровне. «Я буквально отогрелась у этого доброго, мягкого, ласкового человека. Она много уделяла мне внимания». Это был, наверное, последний «чужой» человек, ставший внучке Пушкина по-настоящему родным.

9 сентября 1939 года ее сражает приступ грудной жабы и паралич сердца. За полтора месяца до этого ей исполнилось 77 лет.

Внучку Пушкина похоронили там же, где за двадцать лет до этого нашел свою вечную пристань ее муж, — на старом Монастырском кладбище. Могила ее не известна — почитатели творчества поэта, пионеры, школьники часто посещают скромный холмик на склоне горы, возлагают цветы...

Мария Александровна оказалась основательницей полтавской ветви пушкинского рода, которая к тому же песет на себе и боковую линию родства с Гоголем. Число ее потомков, живущих в нашей стране и за рубежом, перевалило за пятьдесят и постоянно растет. Вот и недавно в Москве, у ее внука Георгия Александровича Галина родилось двое детей — прапраправнуков Пушкина: Саша и Миша.

В самой Полтаве до недавнего времени жили восемь потомков Александра Сергеевича: правнучка Софья Николаевна Данилевская (родилась 1 марта 1887 г.), праправнучки Мария Сергеевна Данилевская (родилась 19 февраля 1908 г.), Наталья Сергеевна Савельева (родилась 6 августа 1912 г.), Марина Сергеевна Чалик (родилась 8 мая 1914 года), прапраправнук Николай Владимирович Савельев (родился 2 июля 1934 г.), прапрапраправнук Владимир Николаевич Савельев (родился 17 июля 1958 г.).

Из Полтавы в Ленинград переехал Алексей Николаевич Савельев (родился 8 января 1962 г.). Здесь он учился, работает в университете. У него есть маленький сын Николай. А в 1979 году у В. Н. Савельева родился сын Андрей. В последние годы скончались живший в Ленинграде, но постоянно поддерживавший тесные связи с родным городом праправнук поэта доктор биологических наук, профессор, декан биолого-почвенного факультета Ленинградского университета Александр Сергеевич Данилевский и старший землеустроитель Полтавы, участница двух коллективизаций на селе — в Полтавской и Дрогобычской областях (в послевоенные годы) — Ирина Сергеевна Данилевская.

Мария Александровна Пушкина-Быкова достойно пронесла эстафету своего славного рода. Так же достойно продолжают ее те, кому передала она бег пушкинской крови, мудрое дерево жизни. Дерево, дающее жизнь новым поколениям.

ДЕТСТВУ ПРЕДАНА БЕЗЗАВЕТНО

Софья Николаевна Данилевская

На девяносто пятом году жизни память ее хорошо сохраняла многие детали, эпизоды далекого детства и юности. Зная Софью Николаевну два десятка лет, не переставал удивляться свежести ее восприятия, способности оживлять давно ушедшие годы.

Она очень хорошо помнила своего деда Александра Александровича Пушкина и Марию Александровну Гартунг — детей поэта.

— Как сейчас вижу дедушку — седобородого, спокойного, приветливого. Гостила несколько раз у него в Лопасне. Подолгу беседовал с внуками, находил тропинку к сердцу. Последний раз видела его, когда мне было семнадцать лет. Он уже плохо видел и слышал, но по-прежнему был бодр духом, интересовался успехами в учебе многочисленных внуков, переживал за них. Когда моя младшая сестра Таня поступала в Екатерининский женский институт, это было для него самой большой радостью...

После окончания Полтавского института благородных девиц юная Соня вместе с матерью едет в Москву держать экзамен в консерваторию. Остановились у Марии Александровны Гартунг. Они виделись и раньше, в Лопасне, не раз вместе гуляли, плавали в пруду. Веселая, приветливая бабушка Маша присылала открытки, поздравления в Яновщину и Полтаву. На этот раз Соня с каким-то особым интересом всматривалась в лицо дочери поэта — маленькую литографию с его особы, как выразился сам Пушкин о первом своем ребенке.

— Соня, какая ты большая выросла! — воскликнула, встречая племянницу с дочерью, Мария Александровна.

Облик ее той поры запомнился до мелочей. Седина не старила, а как бы придавала молоджавому лицу торжественность и величавость. Бархатное темно-зеленое платье еще более подчеркивало это впечатление. Вся она излучала тепло, сердечность, любовь, чем, как говорили друзья поэта, еще в юности очень походили на отца.

— Мне подумалось тогда, что точно так же меня встретил бы сам Александр Сергеевич...

Еще хорошо запомнились ей пятницы в семье Александра Александровича и у Марии Александровны. День смерти отца дети поэта всегда отмечали как день его памяти. Помногу рассказывали о Пушкине, сын с трепетом делился горестными воспоминаниями о последнем дне «солнца русской поэзии»... На нее этот постоянно повторяемый, исполненный грусти ритуал произвел неизгладимое впечатление.

Приезд в Москву, встреча с детьми поэта запомнились Софье Николаевне еще и потому, что они связаны с важным событием в ее жизни. Она собиралась стать профессиональной певицей, и экзамены в консерваторию виделись ей первой ступенью к осуществлению мечты.

Но на каждое место претендовало сорок человек. Соня Быкова с честью выдержала экзамен. Ее исполнение «Старинного романса» Гурилева пленило комиссию. В канцелярии ей торжественно сообщили: принята!

Но здесь-то и начинается драма талантливой девушки. Устроиться на квартире у родных или друзей не представилось возможным — дедушка жил в Подмосковье, Мария Александровна на одном месте постоянно не жила, а отец, провожая жену с дочерью в Москву, предупредил, что в общежитии он ей никогда жить не разрешит. И мать принимает нелегкое решение: от места в консерватории отказаться! Несколько дней спустя дядя, Александр Александрович Пушкин (впук), стоявший во главе земства в Броннице, нашел квартиру, но что-либо поправить уже было невозможно.

Нелегкий, несправедливый удар судьбы! Пение, музыка в семье Быковых занимали важное место. Здесь любили русскую классику, русские

и украинские народные песни. Музыкальная одаренность Николая Владимировича перешла к его детям — Анне, Наталье, Софье, их незаурядные способности признавались многими известными музыкантами того времени. Наталья, оказавшись в послереволюционные годы в Югославии, стала профессиональной певицей, была награждена орденом за исполнительскую деятельность. Анна жила в Марокко, а потом во Франции, так и не смогла распорядиться своим редкостным даром пианистки. У Софьи Николаевны судьба сложилась счастливее: она, несмотря ни на что, продолжала петь, но на профессиональной сцене ей удалось поработать совсем немного, уже при Советской власти...

Софья возвращается домой. Она поступает на работу статистиком в Полтавское губернское земство и одновременно учится пению в частном музыкальном училище Лисовского у опытного педагога Марии Николаевны Денисенко, получившей музыкальное образование в Италии и обладавшей красивым меццо-сопрано. У нее, кстати, позже учился Иван Семенович Козловский. Работа и учеба давали многое. В земстве работали люди прогрессивных взглядов, и это развивало, расширяло кругозор. Учеба у требовательного музыкального педагога позволила хорошо поставить голос, приобрести профессиональные навыки певицы.

Загоревшись идеями деятельной помощи народу, услышав, что за рубежом кое-где пробуют организовывать ясли для детей рабочих, юная Соня Быкова решает заяться воспитанием крестьянских детей. С согласия руководства земства она проводит летние месяцы в Яновщине. Она вместе с Марьей Александровной устраи-

вает летние детские ясли — первые на Полтавщине. Это было в 1904 году. Мария Александровна и Николай Владимирович радовались энергии, душевному порыву дочери, поддерживали ее. Все продукты для детей, находившихся в яслях, они поставляли сами. Около сорока крестьянских детей в то время, когда их отцы и матери работали в поле на уборке урожая, были под присмотром Сони. Она ухаживала за ними, стирала одежду, шила платица и питаешки детям бедняков. Все это делалось безвозмездно, с душевной щедростью. Ей доставляло удовольствие воспитывать малышей, читать им сказки, водить хороводы, учить грамоте. Позже, когда в 1907 году она вышла замуж и переехала в Олефировку под Великими Сорочинцами, ее дело продолжала сестра Наталья. Летние ясли в Яновщине в гоголевской усадьбе действовали до 1917 года.

Первый опыт работы с детьми потом очень помог ей в жизни...

На двадцатом году, еще не окончив училища, Софья Быкова выходит замуж за молодого выпускника Петровско-Разумовской академии Сергея Дмитриевича Данилевского — внучатого племянника известного писателя Григория Петровича Данилевского, автора популярных исторических романов, среди которых и сегодня хорошо известны «Княжна Тараканова» и «Сожженная Москва». Данилевские были также в свойстве с семьей декабристов Муравьевых-Апостолов по линии сестры Елены. Кстати, дома у наследников Софьи Николаевны и сейчас хранятся некоторые фамильные вещи Муравьевых-Апостолов — посуда, небольшой удобный шифоньер.

В день свадьбы, вспоминает она, няня ее младших сестер сказала простые, но очень значительные слова: «Желаю вам так же хорошо прожить жизнь, как Мария Александровна и Николай Владимирович». Молодожены восприняли слова старой крестьянки как материнский наказ.

Софья Николаевна и Сергей Дмитриевич жили счастливо, у них родилось пятеро детей. Талантливый агроном Данилевский вел свое небольшое хозяйство умно, культурно, придерживался паровой системы земледелия, на всероссийских выставках его не раз отмечали премиями. Человек передовых убеждений, он щедро раздавал крестьянам землю, чем навлекал недовольство соседей-помещиков. Умер он уже после революции, хоронили его в селе, и в последний путь провожали его многие крестьяне.

Оставшись одна с детьми, Софья Николаевна переезжает в Полтаву. Детей помогает воспитывать мать, Мария Александровна, а она окунается в работу, решив посвятить себя служению истинно народной, по-настоящему справедливой Советской власти. В те годы в Полтаве выступал хор Политпросвета Красной Армии, которым руководил Александр Васильевич Свешников, в будущем выдающийся деятель советской культуры. Софья Николаевна была солисткой этого хора. Вместе с ней пела сестра Татьяна.

Выступать приходилось перед красноармейской и рабочей аудиторией многократно. На одном концерте, который Софья Николаевна запомнила на всю жизнь, ее пение слушала приехавшая в Полтаву Клара Цеткин.

— Софья Николаевна, — вспоминал Александр Васильевич Свешников, — владела прекрасным

лирико-драматическим сопрано, голос ее мог бы украсить столичную оперу. Всегда с благодарностью думаю о времени, когда мы работали вместе.

Такую же благодарную память о совместной работе с Софьей Николаевной в Полтавском оперном театре хранит знаменитый советский тенор Иван Семенович Козловский. Несколько раз ходила на спектакли и концерты с его участием и Мария Александровна Быкова. Ее поражал тембр голоса Козловского, который отдаленно напоминал голос Николая Владимировича, ее мужа. Данилевская пела в хоре в спектаклях «Евгений Онегин», «Пиковая дама», и это было символично: правнучка поэта несла его слова рабочим и солдатам, несла в массы настоящее искусство.

Пела Софья Николаевна и в хоре, руководимом Василием Николаевичем Верховинцем. Запомнился ей день 12 марта 1926 года, когда они выступали на открытии памятника Тарасу Шевченко. Голубело весеннее теплое небо, цвели красные флаги. И вот упало покрывало. Хор грянул «Заповіт», и казалось, сам Кобзарь слушает могучую тысячеголосую песню.

Чтобы прокормить большую семью, Софья Николаевна берет работу на дом. Ей помогают огромное трудолюбие и воля. Заболевание горла вынуждает ее оставить сцену и заняться педагогической деятельностью. Еще во время работы в хоре отделение Общества охраны материнства и детей приглашает ее к участию в создании первых в городе и губернии советских яслей для детей рабочих. Кто-то рассказал в горсовете о ее подвижнической работе в Яновщине, и правнучку Пушкина назначают старшим педагогом

яслей, а немного позже — музыкальным руководителем детсада.

Она отдается воспитанию детей рабочих с чувством огромной ответственности. Не было никаких учебных программ, и она, полагаясь только на свои знания и опыт воспитания родных детей, составляет программы сама. Она стремится ввести детей в мир народных сказок, подбирает произведения Пушкина, Шевченко, Некрасова, Тютчева, детские рассказы Толстого, придумывает игры, учит танцам и проводит музыкальные занятия. Понимая, как много нужно сделать для того, чтобы родители владели педагогическими навыками, организует занятия с ними. Изучает произведения Крупской, Ушинского, и это помогает ей осознать задачи современной педагогики, ввести в систему воспитания элементы труда. Детсад-ясли, где она осуществляла педагогическое и музыкальное руководство, стали вскоре образцовыми не только в городе, но и в республике. Софья Николаевна была делегатом республиканского съезда работников дошкольных детских учреждений, посвященного 15-летию Общества охраны материнства и детства. Оттуда она привезла дорогой по тем трудным для страны временам подарок — отрез шерстяной ткани, из которого сшила первый «взрослый» костюм для сына и юбку для дочери Ирины.

Десять лет отдала она первым детским яслям в Полтаве. А потом ее перевели в детский сад чулочной фабрики имени Кутузова. Она и здесь сумела хорошо наладить воспитательный процесс, эстетическое образование дошкольников. Через два года ясли были признаны образцовыми, на их примере учили, какими должны быть

дошкольные детские учреждения для детей рабочих. Софья Николаевна умно, творчески направляла воспитание ребят, в доступной детскому пониманию форме рассказывала им о пятилетках, о работе их отцов и матерей, прививала гордость за принадлежность к рабочему классу.

Общество охраны материнства и детства, Народный комиссариат просвещения Украины не раз отмечали Софью Николаевну Данилевскую премиями. Общественное признание она заслужила самоотверженной работой с детьми, а также незаурядными педагогическими способностями.

Вместе с матерью, Марией Александровной Пушкиной-Быковой, Софья Николаевна принимала участие в юбилейных мероприятиях, посвященных 100-летию со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина. Она участвовала в торжественном заседании в Москве, встрече потомков поэта в редакции газеты «Правда».

Общественное признание она заслужила самоотверженной работой и в грозные годы Великой Отечественной войны. Ей с большой семьей, в которой были дочери Наталья с двумя детьми и Ирина с больным мужем и падчерицей, жена сына с только что родившимся ребенком, не удалось эвакуироваться вместе с детсадом. Но, как настоящая патриотка, она находит себе дело, достойное советского человека. Поблизости от дома Данилевских стоял детский дом. Детей успели вывезти в глубокий тыл, однако здание вскоре снова наполнилось мальчишескими головами: здесь поселились беспризорные дети. Софья Николаевна сама, без чьей-либо подсказки берет на себя нелегкие заботы о детях погибших родителей. Ее добровольными помощниками

были две такие же, как и она, самоотверженные женщины из штата бывшего детдома.

Настоящим подвигом можно назвать этот патриотический поступок мужественной русской женщины. Долгих два года фашистской оккупации под носом у немцев она содержит детский дом. Двадцать восемь детей — от годовалых до подростков — сумела она выходить, вылечить, уберечь. Приходилось туго: нужно было доставать питание, лекарства, одежду. Помогали довоенные связи и знакомства, родители детей, которых она воспитывала до войны, советские патриоты, оставшиеся в городе. Многие продукты заготавливали сами на опустевших огородах на окраине Полтавы, в садах, разводили птицу. Часто приходилось разбирать детей по домам, просить присмотреть за ними знакомых. И когда 23 сентября 1943 года город освободили советские войска, Софья Николаевна передала органам Советской власти спасенных ею детей.

В доме потомков Пушкина и Гоголей на Первомайском проспекте, 27, остановилась группа военных. Среди них оказался и фронтовой пропагандист, известный исследователь связей Пушкина с Украиной, писатель и ученый Дмитрий Михайлович Косарик. Гостеприимная хозяйка дома из продуктов, принесенных солдатами, приготовила отменный ужин. Она играла на рояле, пела русские романсы, украинские народные песни, офицеры и красноармейцы исполнили несколько новых, неизвестных ей фронтовых песен, и слезы радости и горя были на глазах. Каким-то образом Косарик узнал о том, что они находятся в семье потомков великих русских писателей, и, увлеченный любимой своей темой, произнес вдохновенное слово о до-

рогах Пушкина на Украине. Перед присутствующими как бы ожил поэт на взмыленном коне, мчащийся в Веселый Подол к Аркадию Родзянко, представилась девушка из Лубен Анна Полторацкая — «гений чистой красоты» Анна Керн, стала осязаемой предполагаемая, но, конечно же, никем не доказанная, и тем не менее такая желанная нам встреча молодого Пушкина и юного крепостного Тараса Шевченко в широкой украинской степи, когда опальный поэт ехал из южной в северную ссылку (позже этот эпизод Косарик включит в повесть «Дума над Тясмином»).

Растроганная Софья Николаевна вручает Дмитрию Михайловичу дневник своей бабушки Елизаветы Васильевны Гоголь (Быковой), сестры Николая Васильевича Гоголя. Она просит принять этот дар на государственное хранение.

Как дорогую реликвию, хранила правнучка Пушкина и внучатая племянница Гоголя письмо за подписью академика Александра Ивановича Белецкого: «Дирекция Института украинской литературы имени Т. Г. Шевченко АН УССР искренне благодарит Вас за Ваш ценный подарок — дневник сестры Н. В. Гоголя, переданный Вами Институту через тов. Косарика в день освобождения Полтавы от немецких захватчиков. Дневник этот приобщен к фонду Николая Васильевича Гоголя, сохраняющемуся в Отделе рукописей института. Он представляет собой большой интерес для исследователей жизни и творчества великого писателя».

Еще несколько лет после войны она работала в детских учреждениях Полтавы музыкальным педагогом. Даже когда ей, как одному из ближайших потомков Пушкина, уже была назна-

чена персональная пенсия, она не решалась уйти на отдых, не могла оставить своих ребятшек.

Софья Николаевна в послевоенные годы много душевных сил и забот отдавала популяризации жизни и творчества Александра Сергеевича Пушкина. Она была участницей пушкинских торжеств по случаю 150-летия со дня рождения поэта в Москве, Ленинграде и Михайловском. До сих пор хранятся листья деревьев михайловского парка, засушенные в альбоме с фотографиями, рассказывающими об этом всенародном празднике.

— В Михайловском,— вспоминала она,— подошел ко мне Павел Григорьевич Тычина. Долго беседовали с ним о Пушкине, о потомках его, несущих эстафету славного русского рода, о значении поэзии в жизни общества. Мне подумалось тогда, как этот великий советский поэт сумел передать в трех словах звучание Пушкина: земли орган могучий!

Много лет Софья Николаевна была старейшей пушкинского рода не только в нашей стране, но и во всем мире — кстати сказать, на земле сейчас около ста пятидесяти живых потомков поэта (кроме СССР, они живут во Франции, Италии, Федеративной Республике Германии, США, Марокко, Бельгии, Англии, Швейцарии, на Гавайских островах). Она с честью несла это многотрудное главенство. Каждый день приносил ей десятки писем благодарных почитателей Пушкина, а в юбилейные даты поток писем увеличивался. Почтенный возраст давал себя знать, но правнучка поэта считала своим долгом ответить всем своим корреспондентам.

— Я хорошо понимаю, что пишут не мне лично — пишут представителю пушкинского

рода,— говорила она.— Солнце Пушкина согревает всех, и к нам, его потомкам, обращаются с благодарностью, теплом, адресованными ему, Александру Сергеевичу.

В мае 1978 года в Полтаве состоялось большое литературное празднество — десятый Всесоюзный фестиваль молодых поэтов братских республик. Город, воспетый Пушкиным, принимал гостей из Грузии и Якутии, далекой Сибири и Прибалтики, москвичей и волжан, киргизов и таджиков. Впучка гениального русского поэта обратилась к юному племени советской поэзии с посланием, в котором есть и такие слова:

«Что хотела бы я пожелать молодым поэтам? Всегда и во всем чувствовать, что их труд — огромный, действенный фактор духовного развития народа. Из осознания этого должно родиться и другое чувство — ответственности перед народом,— этим дорог нам Пушкин, этим дороги все великие наши национальные поэты, от этого и то магическое провидение будущего, которым обладает русская поэзия, прогрессивная поэзия вообще.

Еще одно я хотела бы напомнить молодежи, которая становится на творческую дорогу. В поэзию вас ведет талант. Это много, но это и мало. Великие творения Пушкина были следствием не только его гения, но и высокой культуры, жизненного опыта и — прежде всего! — труда. Александр Сергеевич ценил и уважал «постоянный труд, без коего нет истинно великого». Именно гигантская трудоспособность была той нравственной силой, которая будила в нем полет вдохновения, мысль гения».

Свое обращение Софья Николаевна закончила пожеланием молодым поэтам выработать в

себе коммунистические убеждения, насыщать ими свои произведения: «Утоляйте жажду великим наследием Ленина, уважайте в поэзии истину и искренность, неизменно верные ориентиры творчества!»

Этим ориентирам, истине и искренности, важным не только для поэта — для каждого человека, правнучка Пушкина была верна всю жизнь. Она скончалась 5 мая 1984 года на девяносто восьмом году жизни. Ее похоронили рядом с матерью, Марией Александровной. В последний путь ее провожали многочисленные почитатели поэта и бывшие воспитанники — люди, несущие в себе тепло сердца мужественной женщины.

ТОВАРИЩИ ТРУДОВ...

И С КАЖДОЙ ОСЕНЬЮ Я РАСЦВЕТАЮ
ВНОВЬ.

А. Пушкин

„ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ...“

Мария Сергеевна Данилевская

У всех потомков Пушкина есть одна примечательная черта — увлеченность. Глубокая, непреходящая, страстная, чуждая поверхностному интересу и мимолетному увлечению.

Мария Сергеевна Данилевская с юных лет решила: буду биологом. Трудные обстоятельства двадцатых годов, казалось, стали на пути осуществления этой мечты: пришлось поступать в торгово-промышленную школу, получила специальность бухгалтера.

— Но, знаете, — с жаром, в котором чувствуется отзвук юных лет, с годами не ушедший и не угасший, рассказывает она, — терпеть не могла я бухгалтерской работы. Всю жизнь конфликтовала с бухгалтерами — в научных интересах, конечно, — добавляет, улыбаясь.

Работая, она готовится к вступительным экзаменам. Читает много, глубоко, литературу помогает подбирать умная, широкообразованная Мария Александровна Быкова, которая руководила в доме образованием внуков. В 1927 году Мария Сергеевна — уже студентка биологиче-

ского факультета Полтавского института народного образования.

Учится она на редкость основательно. Преподаватели отмечают: студентка опережает программу обучения педагогов-биологов, ее влечет наука. Она принимает участие в работе кружков, постепенно обнаруживает в себе склонность к ботанике. Сказались, наверное, впечатления детских лет, когда, гостя летом у бабушки в родном селе Гоголя Яновщине, подолгу слушала ее рассказы о целебной силе травы, о степных и луговых цветах, училась у нее различать их, вместе с крестьянскими детьми собирала травы на гербарий.

Как-то пригласил девушку на кафедру преподаватель Федор Калининвич Куринной. Лекции его по ботанике были по-научному основательны и одновременно красочны, он хорошо знал литературу, украинское народное творчество и о растениях мог рассказывать часами, используя и сказки, и песни, и заговоры, и описания цветов и трав у классиков. Он прекрасно знал местную флору. Его любили студенты преданно и сердечно.

— Машенька,— начал разговор Федор Калининнович,— ты, кажется, неплохо знаешь луга? Вот и хорошо. Мы получили задание: создаваемым колхозам в ближайшем будущем будут нужны корма, и нам поручено обследовать луга Ворсклы и определить их пригодность и перспективность. Если не возражаешь, включаем тебя в экспедицию. Руководить группой буду я.

Мария Сергеевна не могла знать тогда, что этот разговор предопределит ее научные интересы, работу, жизнь. Но значительность оказан-

ного доверия она понимала. Ей, выросшей в селе, любившей ухаживать за коровой, козой, хорошо были ведомы крестьянские беды, когда под конец зимы или весной не хватало сена, горевания мужиков летом, когда травы подгорали...

— Будешь, Машенька, флористом,— добавил Федор Калининкович.— У тебя отличный гербарий, один из лучших в группе.

Три лета провела Мария Сергеевна в составе экспедиции по обследованию приворсклянских лугов. Угодья осматривали, инвентаризовали луга, классифицировали их по урожайности, составу травостоя, составляли карты растительности, давали краткие рекомендации, что нужно делать для улучшения сенокосов. Студентка прислушивалась к разговорам специалистов и скоро уже сама могла давать полезные рекомендации. С экспедицией работала опытный луговод Вера Платоновна Кушниренко, профессор сельхозинститута. У нее многому научились молодые участники экспедиции, и среди них любознательная, неугомонная Маша Данилевская. И когда по результатам обследования растительности лугов Ворсклы Вера Платоновна подготовила и издала книгу, она сочла своим долгом отметить в ней помощь студентки в научных изысканиях, нужных рождающимся колхозам для укрепления кормовой базы.

Начало тридцатых годов — время романтиков, энтузиастов, время больших строек, великих открытий. Маша Данилевская жила одной жизнью со своим поколением, и энтузиазм молодости был присущ ей в той же мере, что и всем советским людям, молодежи тех лет. И когда стало известно, что Среднеазиатскому зооветеринарному институту в Апхабаде требуются

сотрудники, она договаривается с руководством полтавского института о том, что экзамены за последний курс сдаст через полгода экстерном, и переезжает в жаркий Туркменистан. Сама юная, неопытная, но исполненная оптимизма и веры в преобразование этого края, она читает лекции по ботанике будущим специалистам сельского хозяйства — молодым туркменам, узбекам, киргизам. Они видели в праправнучке гениального поэта щедрую душу большого друга и брата — великого русского народа.

В Туркмении пригодился опыт исследования украинской луговой флоры. Мария Сергеевна организовала сбор гербария пустынной растительности. Гербарий был нужен для обучения будущих специалистов, а только что созданный там вуз его не имел. Молодой ассистент Маша Данилевская со своими помощниками несколько раз пересекла Каракумы, основательно изучила растительный и животный мир пустыни. Для нее это было настоящее открытие суровой, исполненной особой красоты, драматизма и поэзии природы Средней Азии.

— Каракумы интересны весной и особенно осенью, — делится она воспоминаниями. — Казалось бы, беден на краски пустынный горизонт. Но сердцем ботаника я улавливала его очарование. Прекрасен мир пустыни, когда зацветают солянки, эфемеры, хотя они и невзрачные, сухие. Но среди барханов все воспринимаешь по-другому. Больно жалит верблюжья колючка, но и она здесь тешит взор. На самых барханах — селин, закрепитель песков, с крепкими разветвленными корнями. Немало джужгана — гречишного кустарника, иногда встречались рощицы саксаула. Весной создают неповторимый эффект

эфмерные травы, верблюжья колючка, а вот осенью — плодоносящие солянки, кустарники, саксаул. Плоды — как цветы; саксаул усыпан белым, солянки — целой гаммой от темно-бурого до красного тонов, а джузган — словно репяшками круглыми облепился.

Молодого исследователя скоро признали в научном мире Ашхабада, она стала работать по совместительству в Институте ботаники. Ее как геоботаника в составе экспедиции посылают изучать растительность, провести инвентаризацию сенокосов и богарных земель в горах Копет-Дага. Работали небольшими группами. Мария Сергеевна со своими помощниками обследовала площади произрастания кормового растения катрана. В Туркмении он очень распространен, в какой-то мере заменяет как корнеплод свеклу. Ученым деятельно помогали пограничники — работали в основном в Кушкинском районе, на границе с Афганистаном. Результаты экспедиции на долгие годы определили направление работ по созданию кормовой базы животноводства в горных районах республики. Возглавляла Данилевская и экспедицию по учету растений-красителей Каракалинского района. Она подсчитала все посадки дикого каштана, ореха, граната, растущие вдоль иранской границы в долине рек Чандырь и Сумбар, производству был дан ответ о количестве сырья, прогноз на ближайшие годы его запасов и рекомендации по использованию.

Пять лет отдала она туркменской земле. И сейчас, вспоминая о тех годах, с благодарностью говорит: да, именно это пятилетие определило ее дальнейшие научные интересы, именно тогда она стала ученым.

Обстоятельства требовали, чтобы она снова вернулась на Украину. Легкой работы, теплого места она не искала. Хорошо ей было там, где можно заниматься любимым делом. Таким делом стали для нее луга. Единственное опытное учреждение этого профиля в республике — Козаровичская станция луговодства под Киевом. Мария Сергеевна становится научным сотрудником станции и два года подряд исследует динамику растительности поймы Днепра. Уже готовы результаты, есть обнадеживающие данные, которые могут пригодиться производству, но... закрывается тема.

Худа без добра не бывает, и здесь именно тот случай, когда закрытие чисто научной темы приводит молодого ученого в стан практиков, то есть ученых, занимающихся конкретными проблемами создания кормовой базы животноводства. Марии Данилевской поручили вести опыты по улучшению естественных пастбищ.

Она была на Украине в числе первых, кто начал заниматься созданием культурных пастбищ. Дело, казалось бы, простое, да и называлось оно тогда проще — правильное использование естественных пастбищ. Для повышения урожайности лугов вносили удобрения, ввели позагонную систему выпаса большого рогатого скота — вот и все. Но каков эффект!

И сейчас Мария Сергеевна помнит, как это по тем временам новшество удивило крестьян села Глебовки Дымерского района. Молодая женщина со своими помощниками разбила колхозный луг на участки, внесла немного минеральной подкормки. Каково же было удивление людей, когда коровы стали давать намного больше молока, а в сенокос собрали обильный урожай.

Возглавив отдел пастбищ, Мария Сергеевна энергично взялась за проблему, которая помогла коренным образом улучшить дело создания культурных лугов. В селе Бирках посеяли первые семенники многолетних трав. Они оправдали себя, но... отдел закрыли, научные сотрудники разъехались.

Мария Сергеевна несколько лет работала в отделе систематики Института ботаники Академии наук УССР.

К любимому делу она вернулась после войны. Из Киева поехала на работу в те же Козаровичи, возглавила тот же отдел пастбищ, где начинала создание первых на Украине культурных выпасов. Но вскоре ей предложили попробовать силы в коренном улучшении использования осушенных болот в Ровенской области. Сарненской научно-исследовательской станции нужны были опытные кадры луговодов, и Мария Сергеевна согласилась.

— Молодость во мне заговорила... Люблю неизведанное, люблю начинать,— вспоминает она сейчас.— А если серьезно, почувствовала дело, размах, ответственность. Да-да, я увлекающийся человек, но, поверьте, всегда увлечение не отделяла от ответственности.

Отдел луговодства, который возглавила Данилевская, не во всем напоминал сложившееся представление об обычном научном учреждении. Конечно, и здесь строго, основательно разрабатывали методику исследований, и здесь составляли научные отчеты, но корень работы видели в другом. Главное, что требовала Мария Сергеевна от сотрудников,— теснейшей связи с производством.

— Наши опыты должны повторяться на колхозных лугах. Мы ведь станция по освоению болот, а не какая-то бумажная контора,— говорила она.— Помните: главный результат нашей работы — тучные луга в колхозах.

Педагог-биолог по образованию, Данилевская стала в Сарнах образованным, опытным агрономом-луговодом. Этого требовало дело, ночи напролет она отдавала штудированию специальной отечественной и зарубежной литературы по освоению болот — спасибо бабушке, Марии Александровне Пушкиной-Быковой, которая по семейной традиции с детских лет учила иностранным языкам, требовала знать их в совершенстве.

Результаты опытов первого же года своей работы она стремилась перенести на колхозные угодья. Да и было что переносить. На осушенном болоте, где до улучшения осока давала 2—5 центнеров ни для чего непригодной массы, с гектара получили 60 центнеров отличнейшего душистого сена. При поддержке райкома партии в колхозах ученые отдела луговодства создали крупные семенники трав. В небольших хозяйствах они занимали не меньше ста-двухсот гектаров.

Да, луга, пастбища стали ее страстью. Можно, конечно, сказать и поскромнее: постоянным объектом научных интересов. Только вот то, что делала Мария Сергеевна, ее отношение к работе в такую скучновато-прозаическую характеристику не укладывается.

Почти двадцать лет она возглавляла отдел луговодства Житомирской областной сельскохозяйственной опытной станции. Пришла сюда ученым, досконально знающим и методику на-

учных исследований, и производство, и все, как говорится, подводные камни и рифы своей науки. С ней советовались академики и профессора, секретари обкомов и руководители отрасли, все, кто занимался улучшением кормовой базы на житомирском Полесье — больно уж остра здесь эта проблема! Но только коллеги, работающие рядом, знали: будучи ученым, она не имеет даже кандидатской степени. Воспитывая кандидатов, помогая им в подготовке диссертаций, она даже не подумывала о своей. Иногда ей напоминали об этом — дружелюбно, деликатно, искренне не понимая, как можно относиться так пренебрежительно к своему положению в науке. Так же искренне она отвечала:

— А как это понимать — положение в науке? По-моему, главное для ученого — результаты его труда, польза производству.

Для нее это всегда было самое существенное.

Марию Сергеевну двадцать лет, до ухода на пенсию, называли главным луговодом житомирского Полесья. Нет такой должности, и звания такого официально никто не устанавливал. Все проще и сложнее. Именно она дала правильное, обоснованное научными и опытными данными, широкое производственное направление освоению кормовой целины в области. С самого начала ее поддержали обком партии и облисполком, подключили к работе сельскохозяйственные органы, мелиораторов, строителей, колхозы. Заведующая отделом луговодства побывала почти во всех колхозах, она и сотрудники отдела неутомимо проводили семинары в хозяйствах, служивших образцом в улучшении лугов и пастбищ.

Сложность этой работы на Житомирщине усугубляется тем, что природа здесь уготовила для луговодов все классические «рифмы», собрала весь набор почвенно-климатических условий и лугов — от болотных до суходольных, хотя наиболее распространенными считаются низинные и пойменные. Опыт работы в Козаровичах и Сарнах, успех в создании первых культурных лугов и пастбищ на Украине позволили Марии Сергеевне овладеть ситуацией в первые же месяцы работы.

— Будем поднимать луговую целину сообщая — силами ученых и колхозов, — говорила она на одном из областных совещаний. — Громадное, на много лет дело. Но хочу предупредить с самого начала: никак мы не сможем сдвинуть его, если не будем постоянно заниматься семенниками трав. Трудно семена доставать всегда, к тому же они дорогие, тут дело должно быть поставлено на месте и надежно.

Много сил отдала развитию семеноводства трав Мария Сергеевна. Обучала колхозных агрономов, председателей, как ухаживать за семенниками, чтобы они плодоносили не менее трех-четырёх лет. Эту невысокую женщину хорошо знали бригадиры тракторных бригад, рядовые колхозники.

— Между прочим, уже будучи на пенсии, внимательно слежу за тем, как на Полтавщине лицом повернулись к семенникам трав. Как старший, убежденный их сторонник, скажу: правильно! И колхозам экономически выгодно, и хорошие корма гарантированы.

Мария Сергеевна, хорошо овладев агрономией, агротехникой, все же оставалась биологом. Истинное наслаждение доставляла ей работа на

опытных участках, анализ, скажем, ботанического состава сена на природных и улучшенных лугах. Но как тут отделить научный и практический подход, если они взаимосвязаны? И потом — помните? — увлечение и ответственность у нее всегда сопряжены. Такой характер.

Часто видели Марию Сергеевну на полях Олевского района, что на Ровенщине. Любила она ездить сюда, наверное, не только потому, что сразу после переезда из Сарн первая командировка выпала именно в этот район. Здесь тогда она увидела то же, с чем воевала, — болота. Их начинали осушать, и от ученого ждали дельных рекомендаций: с чего начинать, как браться за корма? Здесь и сами не ждали указаний, проявляли инициативу — и это-то особо ценила в олевцах Данилевская. Партийные работники, специалисты, председатели колхозов мыслили масштабно, за дело брались с душой, рекомендации ученого выполняли умно, по-деловому, потому и любила бывать здесь заведующая отделом луговодства областной сельскохозяйственной станции.

В районе развернули широкое наступление на болота. На осушенных минерально-болотных и торфяных почвах применили коренное улучшение естественных кормовых угодий. Мария Сергеевна помогала составлять технологические карты, готовить площади к посеву, закладывать семенники многолетних трав. На какое-то время она стала чуть ли не снабженцем: используя для дела авторитет и научные связи, добывала в различных научно-исследовательских учреждениях Украины и Белоруссии семена дефицитных лугопастбищных трав.

Все время был с ней молодой агроном-луговод райсельхозуправления Анатолий Левковский. Он впитывал идеи, советы Марии Сергеевны, приносил что-то свое. Чутьем ученого она определила: именно такой человек нужен науке. Посоветовала ему побольше накопить практического опыта, а потом поступить в аспирантуру. Левковский послушал доброго совета, а потом, уже будучи аспирантом, многому учился у нее, приезжая на станцию, проводя многие часы в беседах с первым своим наставником на научной стезе. Кстати, сейчас Анатолий Николаевич Левковский, кандидат сельскохозяйственных наук, работает старшим научным сотрудником на Киевской станции луговодства — преемнике Козаровичской станции, где начинала путь в луговодстве Данилевская.

Вскоре олевцы сделали решительный шаг в повышении урожайности лугов и пастбищ. Первая их победа в 1966 году была отмечена переходящим Красным знаменем ЦК Компартии Украины и Совета Министров УССР. Наравне с производственниками райком партии и райисполком отметили Почетной грамотой и премией Марию Сергеевну Данилевскую. Родина удостоила ее медали «За трудовую доблесть».

При непосредственной помощи ученого олевцы к 1972 году освоили путем коренного улучшения семь из восьми тысяч гектаров осушенных болот. В три раза повышена урожайность этих угодий, а многие хозяйства собирают по 50—70 центнеров сена с гектара.

— Когда смотришь на такие мощные травы, сам про себя думаешь: а ведь наша наука многое может, хорошо помогает людям! — удовлетворенно говорит Мария Сергеевна.

Не правда ли, сказано скромно? Она не любит говорить о себе. Вспоминаю, как еще в 1968 году друзья в Житомире говорили о неумемной энергии, практической хватке Данилевской, о ее авторитете в области (никоим образом, между прочим, не связанном с именем Пушкина, потому что узнали об этом совершенно случайно и не от нее).

— Да, кое-что было, — соглашается, слушая рассказ. — Но это что же? Работа, как у всех.

Тоже верно. Но ведь отдача ученого — это не только его научные труды (у Марии Сергеевны их немало), не только результаты конкретных исследований, им проводимых. Важна эффективность его идеи, проверяемая самой жизнью. Праправнучке великого Пушкина есть чем гордиться. Ее исследования по улучшению лугов широко применяются на Полесье. К началу семидесятых годов только в Житомирской области рекомендованные ею приемы обработки луговой дернины и удобрения применялись при улучшении почти 70 тысяч гектаров лугов. Об этом напомнили ей, вручая Ленинскую юбилейную медаль. Высокой поэзии и творческой мысли исполнена была эта работа, о которой на языке науки рассказала Данилевская в своей диссертации «Улучшение пойменных лугов мелких рек житомирского Полесья Украинской ССР».

Она защитила ее в 1970 году. К этому времени стали кандидатами наук многие ее ученики. Одним из них был Виталий Степанович Быстрицкий. Многое она ему передала из своего опыта покорения заболоченных земель, теперь он — заведующий лабораторией освоения болот Житомирской опытной станции в Коростене. Подготовила к научной деятельности Галю

Левчук, которая пришла на станцию после школы лаборантом, а теперь — старший научный сотрудник.

Защита диссертации была для М. С. Данилевской закономерным итогом большой работы по улучшению лугов — ее страсти, ее увлечения, ее призвания. Ученый совет Харьковского сельскохозяйственного института имени В. В. Докучаева был единогласен в своем решении присудить Марии Сергеевне Данилевской степень кандидата сельскохозяйственных наук — специалистам, научной общественности хорошо известен ее вклад и в научное, и в практическое разрешение важной народнохозяйственной проблемы.

Для нее и сегодня все пережитое, все сделанное — далеко не «дела минувших дней». С жадностью настоящего ученого она читает научные журналы, сообщения печати об успехах в луговодстве, спрашивает своих коллег и учеников в письмах, как решаются проблемы улучшения пастбищ, лугов, как чувствуют себя травы и, главное, чего достигли они, ее смена, ее надежда. Она верна своей страсти. Не пушкинская ли это черта?

В ЖИЗНИ—БОЕЦ

Ирина Сергеевна Данилевская

В феврале 1962 года я впервые гостил в большой дружной семье полтавских потомков Александра Сергеевича Пушкина в доставшемся им от Анны Васильевны Гоголь доме. Вел разговор с Софьей Николаевной Данилевской, и к этой

беседе молодого, смущающегося журналиста с правнучкой поэта, как мне показалось, наиболее внимательно прислушивалась женщина с золотистыми, тронутыми сединой волосами.

— А вы откуда, где работаете? — спросила она, вступив в разговор.

— Из Градижска, работаю в районной газете.

— Молодой человек, да ведь ваши места мне почти что родные! — воскликнула женщина, и ее спокойные голубые глаза загорелись. — В юности много степных дорог прошла в приднепровских селах, участвуя в коллективизации. Особенно запомнилось село Жовнино, где, работая землеустроителем, нарезала земли колхозам.

И она, как будто это было вчера, стала рассказывать о незабываемых днях создания колхозов. Вспомнила, как ее направили в 1930 году в Жовнино, где началась коллективизация. Как добиралась в село подводой целый день по разбухшему от вешних вод киевскому тракту. Руководителей первых сельхозартелей, колхозных активистов — Зубаху, Мальца, Лифаря, Найдена, Сосу — помнила и через три десятилетия. Даже названия первых колхозов сохранила в памяти — артели имени 8 Марта, «Червона зірка», имени Лебеда, «Работник земли», хуторов — Гузычи, Подгоры, Радьки, Радика, Добробут. Вспомнила, как в Радиках кулаки устроили покушение на председателя сельсовета Федора Алексеевича Кушнирова, как приходилось вместе с сельскими активистами изымать излишки хлеба у мироедов...

Это была Ирина Сергеевна Данилевская.

Она закончила свои воспоминания так:

— У нас, молодежи тех лет, было очень развито чувство долга. Мы считали своей

обязанностью утверждать на селе новые отношения и для этого не жалели ни здоровья, ни жизни.

Я запомнил эти слова. И уже после ее смерти, по рассказам родных и друзей, сослуживцев и соучеников, по документам восстанавливая живой образ праправнучки великого поэта, понял, что они не случайны. Всю ее жизнь, трудовой путь скромного землестроителя можно назвать служением долгу. Общественному долгу.

...Ирина начала трудовую жизнь очень рано. Когда скончался ее отец, ей было девять лет, старшей сестре Маше — десять. На руках у матери — пятеро детей. И дочери, от земли вершок, стали ее первыми помощниками. Хозяйкой дома была бабушка, Мария Александровна, но ей едва хватало времени возиться с малышами, учить их. Ира с Машей берут на себя все хозяйственные заботы. Мария убирала квартиру, а меньшая сестра стряпала. Хлеб обычно пекли вместе, и Ира особенно любила это священнодействие. Нравилось месить тесто в больших макитрах, садить паляницы на капустных листьях на горячий под крестьянской печи. Бабушка научила их печь пироги, готовить кулеш и кашу, и все у них получалось вкусно.

Трудолюбие отличало ее и в учебе. В школу она пошла с опозданием на два года — не было во что одеться, обуться. И здесь на помощь ей, как и другим детям из семьи Данилевских, пришла Советская власть. О потомках Пушкина узнал секретарь горкома партии Андропов, в прошлом рабочий, большой почитатель творчества великого русского поэта. Он распорядился оказать помощь семье, и все Данилевские-младшие стали учениками трудовой школы. Ирина

отличалась не просто прилежанием — она старалась выйти за пределы программного материала, особенно в математике, литературе. Увлеченность учебной работой сближала ее с Сашей, младшим братом, с которым она училась в одном классе.

Эти качества ее особенно ценились в землеустроительной профшколе, в которую она поступила в 1927 году. Директор школы (по нынешним понятиям — техникума) Сергей Иванович Бондаренко часто ставил ее в пример как лучшую ученицу, человека, относящегося к учебе творчески. Серьезно она занималась черчением, земельным правом, понимая, как пригодятся эти предметы в работе.

В общественные дела входила, как говорится, с головой. Пела в хоре учеников школы и студентов землеустроительного факультета сельскохозяйственного института, размещавшегося этажом выше, солировала в концертах. Ее красивое сопрано не раз звучало в клубах города. Всегда на «бис» вызывали ее после «Травушки-муравушки». Вместе с Тоней Верещагиной, жившей в их семье, была активисткой библиотеки клуба имени Энгельса. Благодаря этому подруги имели возможность бесплатно посещать кино и концерты.

Она рассказывала о коллективизации в селах под Красноградом, куда выезжала на практику, о борьбе с кулачеством, которую приходилось вести сельским коммунистам и активистам.

Товарищи незлобиво подтрунивали:

— Какая же ты, Ира, дворянка! Ты выступаешь так, будто не мы, а ты — пролетарского происхождения.

Ирина Данилевская на это отвечала тихо, с достоинством, но с такой внутренней силой,

что эти ее слова убежденные сединой друзья помнят до сих пор:

— А я не хочу отделять себя от пролетариев!

Она трудом доказала, что это были не пустые слова. В приднепровских селах долго помнили энергичную, быструю девушку из Полтавы, которая в начале тридцатых годов нарезала землю колхозам в Кулишевке, Лебеховке, Гусином, Матвеевке. Ее подстерегали кулацкие сынки, грозили смертью, но запугать не смогли. Ирина оставляла село, только закончив свое дело.

Работать приходилось в разных районах. В трудном 1933 году ее послали в Котельву. Здесь было тогда 15 колхозов, за ними закрепили почти 22 тысячи гектаров земли. Кулаки, сектанты, церковники яростно сопротивлялись новой жизни. Данилевская, проверяя правильность землепользования в колхозах и крестьянских хозяйствах, выявила самовольные захваты участков кулаками, принципиально ставила вопрос об изъятии их в райисполкоме, МТС. Она умела находить контакт с местным партийным и советским активом. Софья Николаевна Данилевская, посетив дочь летом 1933 года в Котельве, искренне радовалась, что у нее в селе столько друзей.

В этих постоянных поездках нашла Ирина Сергеевна и личное свое счастье — недолгое, но настоящее. В Кононовке под Пирятином судьба свела ее с руководителем землеустроительной группы Антоном Никитичем Кононенко. Человек умный, веселый, обаятельный, он иногда казался ей замкнутым, удрученным. Позже, узнав о прежней его жизни, она поняла, почему он бывает таким разным. Антонова Никитича с четырехлетней дочкой бросила жена, не раз-

деляя его взглядов па новую жизнь, не выдержав, как ей казалось, «ужасного» сельского быта. Она ушла из его жизни навсегда, совершенно не интересуясь ни тем, как растет и воспитывается дочь, ни службой бывшего мужа.

Ирина Сергеевна выходит замуж за Кононенко, хорошо понимая, какую нелегкую ношу берет на себя. Антон Никитич заболел туберкулезом, и его надо лечить. Не зная материнской ласки, девочка ожесточилась, стала нервной. Женщина, заменившая ей мать, всю любовь и ласку отдает этому обделенному судьбой ребенку. Ее единственный родной сын родился мертвым, и все материнское чувство она вкладывает в подрастающую дочь мужа. Переехав в Полтаву, она вводит ее в дружную семью своей матери. Галю воспитывают Мария Александровна, Софья Николаевна.

Самоотверженность Ирины Сергеевны, ее любовь сделали свое дело: Антон Никитич поднялся. Несколько лет они жили безоблачно, работали в землеустроительной партии облземотдела, растили дочь. Но перед самой войной болезнь снова вернулась. Долгих два года билась она за жизнь мужа, но в условиях оккупации, без лекарств трудно было рассчитывать на исцеление. Антон Никитич скончался в 1943 году.

У него были родные, они хотели забрать Галю к себе. Но девочка не захотела покидать семью Данилевских, и Ирина Сергеевна твердо заявила:

— Она мне дочь, и никому я ее не отдам.

В трудные военные годы она делала все, чтобы Галя не чувствовала себя падчерицей, лишним ртом в семье. Мать и сестры поддерживали ее стремление дать дочери образование,

выполнить данное мужу слово — вывести девушку в люди.

Еще гремела на полях Европы война, а Народный Комиссариат земельных дел УССР направляет Ирину Сергеевну Данилевскую в Дрогобычскую область, на самую границу с Польшей — в маленький городок Турка. Добираться туда сложно и опасно. Во Львове она находит перевалочную базу пограничников и на грузовой машине с молодыми ребятами в лютую стужу добирается до места работы. Первая же дорога напоминает ей, в каких условиях придется работать: бандеровцы обстреляли машину, скакты полопались, и только подоспевший следующий автомобиль с пограничниками привез их в Турку. Через год точно такая же история повторилась с Галей, которая, не вынеся разлуки, ехала к матери заканчивать девятый и десятый классы, и Ирина Сергеевна во второй раз пережила прикосновение смерти...

7 февраля 1945 года она уже в должности старшего землеустроителя Турковского района и начальника землеустроительного отряда. Поселилась в хорошей, по-настоящему трудолюбивой советской семье. Глава ее, Михаил Федорович Мамчук, работал на железной дороге, жена, Анна Ильинична, вела хозяйство. У них росли пять сыновей. Старшего, Мирона, Ирина Сергеевна пригласила на работу в землеустроительный отряд. По его совету в отряд взяли сверстников и друзей Михаила Кицилу и Владимира Луба. Она верила в их молодость, юношеское стремление к романтике. Восемнадцатилетние ребята полностью оправдали ее доверие.

Работа предстояла трудная и по объему, и по политическим, психологическим условиям.

В районе активно действовали недобитые банды украинских буржуазных националистов, верных гитлеровских псов и прихлебателей, убивали советских работников и активистов, «людей с Востока», прибывших помогать становлению новой жизни на землях Западной Украины. Ирина Сергеевна часто выезжала с группами партийно-советского актива в села для агитационных бесед с крестьянами. Она хорошо владела украинским языком, имела опыт коллективизации на Полтавщине, быстро сходилась с людьми, а потому беседы ее всегда были убедительны. Особо недоверчивым она говорила: я принимала участие в создании колхозов, много лет работаю землеустроителем, знаю жизнь колхозников, с единоличным хозяйством ее и сравнивать нельзя, живут люди богато, дети учатся в школе. Ее слушали бедняки в Исаях, Бережке, Кашеве. И, как правило, после таких бесед правления получали новые заявления с просьбой принять в колхоз.

Не всегда эти поездки были безопасны. Несколько раз Ирина Сергеевна попадала под обстрел бандеровских банд, и ее спасала только помощь местных активистов. А ребята, работавшие с ней, берегли ее особо: Галя как-то похвалилась, что ее мать — праправнучка самого Пушкина, и это возвышало ее в их глазах.

Немало ее друзей осталось лежать в карпатской земле. Часто вспоминала она Лапина, работника райвоенкомата, с сыном которого, Геной, училась Галя. Как-то они вдвоем поехали в село по заданию райкома партии. Ирина Сергеевна вернулась домой, а Лапин остался переночевать. Утром нашли его с вырезанной звездой на спине. В самой Турке озверевшие националисты

расстреляли музыкантов духового оркестра пограничников в городском парке... Но бандеровские акты отчаяния не могли сломить мужество, стремление советских людей исполнить свой долг до конца. Очень переживала за Галю и, уезжая в села, оставляла оружие — револьвер и гранаты — ей, юной, покинувшей ради нее Полтаву, разделившей ее нелегкую судьбу.

По делам службы Ирине Сергеевне часто приходилось выезжать со своим отрядом в горные села, где нарезали землю колхозам. И, хорошо понимая значение этих перемен для западноукраинских жителей, она говорила ребятам:

— Помните, когда-то будете говорить: перекраивали уклад жизни, сложившийся тысячами, ради самой жизни. Не землю меряем — историю делаем!

Она по-матерински любила своих помощников. Долго, не назидательно, откровенно говорила с ними о будущем. Советовала учиться, заботилась о том, чтобы в повседневной работе ребята не потеряли живого интереса к науке. Само землеустройство она умела преподать им не как скучное занятие, а как настоящую науку — науку бережного, рачительного использования основного богатства страны. Ее старания дали результаты: Мирон Мамчук сначала окончил курсы землестроителей при Львовском сельхозинституте, потом лесотехнический институт, долгие годы работал заместителем директора лесокомбината в Верховине, возглавлял отдел «Облтопливо» в Ивано-Франковске. Михаил Васильевич Кицила, окончив Львовский лесотехнический институт, работает начальником отдела Турковского лесхоззага. Владимир Иосифович Луб учился во Львовской школе

руководящих колхозных кадров, работает в горсовете родного города.

Мирон Михайлович Мамчук рассказывает:

— Мы жили с Ириной Сергеевной и Галей одной семьей, и потому, наверное, я знал ее лучше других. Мало сказать: она была обаятельным человеком. Там, где появлялась Данилевская, работа кипела, рождалось веселье, никто не унывал. Помню ее дома. Уж какие трудные годы приходилось переживать — из-за постоянных дорожных трудностей (обстрелы бандеровцев) в городок не всегда завозили муку, мы ели клецки-оладьи из тертого сырого подпорченного картофеля, но ни разу не услышал никто из нашей большой семьи нареканий с ее стороны. Как-то сказала: ничего, это временное явление, но вот когда соберем колхозный хлеб — тогда заживем!

Все трое считали ее не просто руководителем, а паставницей, старшим другом. Потому, невзирая на трудности, работали дружно, слаженно. За четыре с лишним года работы в Турке землеустроительный отряд под руководством Ирины Сергеевны Данилевской обеспечил все работы по выдаче государственных актов колхозам на вечное владение землей. А колхозов было уже немало — тридцать пять во всех селах района.

В 1949 году Ирину Сергеевну перевели в Жидачев на должность старшего землеустроителя райисполкома и руководителя земотряда. В Турке она рекомендовала своего воспитанника Мирона Мамчука. В Дрогобыче она доказывала в облсельхозотделе:

— Важно, что на этой должности будет местный человек. А что парень он надежный — ручаюсь.

Уже работая в Жидачеве, она постоянно интересовалась делами своего питомца, помогала советами. Дружеские связи она поддерживала с семьей Мамчуков до последних дней своей жизни.

В Жидачевском районе Ирину Сергеевну ждала новая работа. Шло укрупнение колхозов, нужно было проводить внутрихозяйственное упорядочение земель. Предшественник запустил учет, многое приходилось делать заново. Чувство долга, большое трудолюбие помогли ей справиться с задачей в определенные министерством сроки. Она подготовила всю юридическую документацию, государственные акты на передачу земли укрупненным колхозам. Всегда была принципиальна, когда речь шла о растранижении земли. Участки для предприятий и учреждений отводились только тогда, когда она скрупулезно, тщательно изучала действительную потребность в них. В Дрогобычской области она считалась одним из самых инициативных, знающих свое дело землеустроителей.

Праправнучка Пушкина пользовалась большим авторитетом в районе. Многие сделала она для улучшения быта женщин, вовлечения их в общественную жизнь: самодеятельные кружки, школьные родительские комитеты. Ирину Сергеевну несколько раз избирали депутатом горсовета.

Она выполнила свой долг перед памятью мужа: Галя окончила Полтавский педагогический институт, стала учителем. Радовалась семейному счастью дочери, когда та вышла замуж за офицера Юрия Цыбуляка, родила ей двух внучат...

Последние тринадцать лет жизни Ирина Сергеевна работала в родном городе — сначала в облсельхозуправлении, а потом — в исполкоме горсовета и городском отделе коммунального хозяйства.

Есть в характере полтавских потомков Пушкина замечательная черта — профессиональная добросовестность, принципиальность, где надо, — неуступчивость в делах, требующих разрешения в интересах государства. Ирина Сергеевна обладала этой чертой в полной мере.

Мария Никифоровна Вязун, вспоминая о первых годах работы в горкоммунхозе, рассказывает, как часто приходилось ей спорить с руководством отдела по поводу неточных данных о состоянии городских земель.

— Ирина не могла с этим мириться. Она пришла к нам в управление главного архитектора, все сверила с нашими планшетами, сделала для города первую правильную экспликацию. По-просту говоря, благодаря ей прояснилось, сколько же в городе земли под дорогами, усадьбами, садами, речками и так далее. Смешно сказать, но до нее никто не знал, какую же площадь занимает речушка Тарапунька. А ведь это все очень важно для правильного понимания проблем развития города и правильного использования земли.

Павел Иванович Компаниец, ветеран системы землеустройства облсельхозуправления, вспоминал потом:

— С приходом Ирины Сергеевны был наведен настоящий порядок в учете городских земель. До нее этому как-то не придавали значения. А ведь городскую территорию занимают и земли института свиноводства, сельхозтехникума,

опытной станции, многие другие участки — здесь глаз да глаз нужен. Данилевская строго взялась за дело. Она и о правильном, разумном использовании внутренних земель горкоммунохоза первой вопрос поставила. Была инициатором создания в городе коллективных садов. Первое постановление горисполкома о товариществе садоводов готовила она. Не щадя сил, боролась за максимальное сохранение зеленых насаждений...

Михаил Иосифович Погребняк, работавший в те годы заместителем председателя областного комитета народного контроля, вспоминал, как помогала Ирина Сергеевна в борьбе с злоупотреблениями владельцев частных дач. В отделе, где она работала, ее сигналам о разворачивании капитального строительства на тридцати семи участках коллективных садов не внимали. Когда этим делом занялись партийные органы и органы народного контроля, она принимала участие в проверках, честно, с принципиальных позиций выступала против бездеятельности некоторых руководителей города, потворства злоупотреблениям.

Ирина Сергеевна Данилевская всей своей жизнью доказала, что даже на очень, казалось бы, скромной работе можно сделать для общества, для государства многое. Участник двух коллективизаций, она беззаветно отдавала силы проведению линии партии в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. В должности старшего землеустроителя города она плодотворно работала для сохранения его зеленого наряда, многое сделала для того, чтобы все поняли важность бережного обращения с на-

шим общим достоянием — землей. На работе она и сгорела — скоропостижно скончалась от кровоизлияния в мозг 15 июля 1970 года.

В благодарной нашей памяти она заслуживает уважения не только как потомок великого поэта, но и как один из деятельных бойцов социалистического переустройства села.

ЧЕСТНЫЙ ДАР БОЛЬШОГО СЕРДЦА

Александр Сергеевич Данилевский

В тот день они вспоминали о сыне и брате вместе — Софья Николаевна Данилевская, мать, и сестры Мария Сергеевна и Марина Сергеевна. Воспоминания о родных, рано ушедших из жизни, всегда грустны. Мать хранила мельчайшие подробности нелегкого детства, милые шалости и проделки озорного сынишки, сестры вспоминали его не по летам развитый ум, воображение, цепкую память.

— Пяти лет выучился читать. Совершенно самостоятельно! Мария Александровна возилась со старшими Машей и Ириной, а он, как бы невзначай, не интересуясь их занятиями, выучил алфавит и уже сам, без посторонней помощи, читал взрослые книжки, — рассказывала Софья Николаевна. — А потом, в трудные годы разрухи, когда мне едва удавалось сводить концы с концами, приходилось работать до поздней ночи, он первым встречал меня. Повиснет на шее, шепнет: «А я тебе стихи новые прочту!» Почти каждый день выучивал наизусть какое-то стихотворение Пушкина. К моим именинам

всегда дарил пушкинские поэмы. Сидим за небогатым столом, пьем чай, а Саша вдохновенно декламирует то ли «Полтаву», то ли «Руслана и Людмилу», «Медного всадника». Позже выучил наизусть поэму Вольтера о Жанне д'Арк на французском языке...

Пяти лет он увлекся бабочками. Собирать их пристрастился вместе с крестьянскими детьми, с которыми был очень дружен. Присмотрев, что племянник заинтересовался мотыльками, тетя Вера, сестра отца, дарит ему атлас насекомых. Кто мог подумать, что этот подарок, чисто детский интерес к бабочкам определяют последующие пятьдесят лет его жизни, более чем тридцатилетнюю научную деятельность?

— Жили мы трудовой жизнью, — вспоминает Мария Сергеевна. — Обязанностью Саши было готовить чай и кормить козу. С самоваром возился охотно: раздувал сапогом, разливал кипяток. А вот с козой... Как все дети его возраста, он любил утром поспать. Козой его не разбудишь, но, — она улыбается, — даже негромкое: «Саша, смотри, бабочка влетела!» — сразу же поднимало с постели...

В тихую грусть воспоминаний как-то органически входит этот бесхитрый семейный юмор, и трудно различить, чего в нем больше: то ли понимания неукротимой мальчишечьей увлеченности, то ли ощущения, что Саша, брат, сын, единственный мужчина в их дружной и большой семье, и сейчас рядом — вот только немножко задержался...

Александр Данилевский пошел в школу девяти лет. Учителя и друзья вскоре узнали о его увлечении коллекционированием бабочек и насекомых. Соседский мальчик Женя Милянов-

ский, с которым Сашу сдружило это занятие, помог ему достать сачки и расправилки, вместе они собирали материал для коллекций. Чуткие педагоги предложили способному ученику принять участие в создании уголка живой природы в школе. Данилевский с помощью друзей собрал большинство экспонатов этого уголка.

Нет, он не был односторонен в своих увлечениях. Хорошо рисовал, и в школе даже всерьез предсказывали ему будущее незаурядного художника. Учительница Александра Ивановна Рощина, выпускница Академии художеств, пригласила его в художественный кружок. Саша был участником и призером нескольких городских выставок детских рисунков. На всю жизнь он сохранил способность видеть мир в линиях, образах, красках. В зрелом возрасте оформлял и иллюстрировал свои книги и статьи, оставил много рисунков, среди них — и автопортрет, который часто воспроизводится в литературе...

Но профессиональным художником он не стал. Не стал и математиком, хотя любил точные науки, серьезно занимался ими.

В десятилетнем возрасте Александр Данилевский сделал решительный выбор в пользу биологии и не отступил от этого своего решения. Он посещает краеведческий музей — один из лучших на Украине, с богатым, хорошо поставленным в научном отношении отделом природы. Николай Иванович Гавриленко, известный орнитолог, заведовавший этим отделом, друживший с академиком Владимиром Ивановичем Вернадским, был для Саши первым настоящим ученым, заинтересовавшим его широким кругом научных проблем. Он привлек любознательного мальчика к повседневной работе музея, поручал

собирать коллекции или расширять имеющиеся. Первые заработанные в музее три рубля сын принес матери, чтобы она расплатилась за электричество или починку обуви.

На окраине Полтавы, где раскинулось поле битвы войск Петра Первого с шведскими захватчиками, прославившей город на весь мир, в те годы располагалась опытная станция, старожилы до сих пор называют это место опытным полем. Когда-то здесь ставил опыты по улучшению культурного земледелия Докучаев. В двадцатые годы в отделе защиты растений Полтавской опытной станции работали крупные ученые, и отдел по праву считался одним из важнейших энтомологических центров страны. Саша повадился ходить на станцию, подолгу беседовал с учеными, во время каникул помогал им в опытах. Позже он встретился с ними в Ленинграде, когда пришел на работу во Всесоюзный институт защиты растений. Но это было почти через десять лет...

Мария Сергеевна вспоминает:

— В средних классах брат ходил уже в дальние походы за коллекциями. Женя Миляновский и Миша Протопопов, страстные любители «охоты» на бабочек, ходили с ним в этих вполне экипированных экспедициях: брали простыни-экраны и лампы-молнии — ловили бабочек на свет, приманивали их медовым раствором. Исходили диканьские леса, Терешки, Чернышевку, ночевали под сенью дубов и сосен. Они не боялись ни чертополоха, ни крапивы. Саша говорил: «Да ведь, например, адмирала (бабочка такая) лучше всего в зарослях и искать: гусеницы первого поколения живут на чертополохе,

а второго — на крапиве. А переливницу на вербе находим». Рассказывал о бабочках как поэт, с восхищением. Показывал, как ночных и сумеречных бабочек приманивают. Добычу приписали богатую. Квартира наполнялась всевозможными коробками с коллекциями. Саша возился с ними, описывал, и все это было необыкновенно интересно. Читаешь, как пишет о хоботке, которым бабочка достает нектар из цветочных венчиков, и как будто самходишь в сложный мир природы. Он уже тогда многое знал о семействах, родах, подвидах, формах бабочек и описывал их вполне научно.

Судьба шла ему навстречу. Потомки Пушкина всегда жили дружно, и многочисленные зятья, невестки, даже когда жизнь разъединяла их в силу различных обстоятельств, сохраняли родственные отношения. Брат Софьи Николаевны Александр Николаевич Быков умер молодым, и жена его, Тамара Михайловна Филатова, через несколько лет вышла замуж за будущего академика, выдающегося советского историка Бориса Дмитриевича Грекова. Греков, родившийся в Миргороде, по воспоминаниям молодости, тоже знал семьи Быковых и Данилевских. Узнав о трудностях Софьи Николаевны с детьми, семья Грековых предложила Саше пожить у них в Ленинграде, где он мог бы получить образование.

На семнадцатом году жизни Александр Данилевский уехал в Ленинград. Город на Неве, обитель его великого прапрадеда, стал для него научной колыбелью, второй родиной.

Здесь он закончил среднюю школу, здесь в Институте прикладной зоологии и фитопатологии (ИЗИФ) получил специальность агронома по

защите растений. Уже в студенческие годы под руководством профессоров И. Н. Филипьева и Н. Я. Кузнецова вел исследовательскую работу. Когда в 1933 году он пришел на работу во Всесоюзный институт защиты растений, его уже знали как вполне зрелого фауниста-систематика. Полтавский период жизни, увлечение коллекционированием бабочек и насекомых решающим образом повлияли на его выбор, образование же вооружило его нужными знаниями.

Да и каникулярное время давало ему многое: он проводил его в Полтаве, работая в отделе защиты растений опытной станции. Здесь он изучал фенологию массовых видов чешуекрылых, составил большую картотеку сборов насекомых на светоловушку. Кстати, эта картотека и до сих пор не потеряла значения: ее используют для фенологических справок на кафедре энтомологии Ленинградского университета.

Первый научный труд Александра Сергеевича, который занимался проблемой пищевой специализации насекомых, свидетельствовал о верности своему выбору. Статья «Роль питающих растений в биологии лугового мотылька», опубликованная в 1935 году в «Энтомологическом обозрении», привлекла внимание научной общественности. И позже, вступив в аспирантуру Ленинградского университета, он продолжает разрабатывать важные для науки и практики проблемы взаимосвязи насекомых с питающими растениями, экологической регуляции численности и биологических циклов насекомых — вредителей сельскохозяйственных культур. На примере лугового мотылька — распространенного и на Полтавщине, и во всех зонах страны вредителя растений — убедительно раскрывал, как

влияет пища на развитие и жизнедеятельность насекомых. Понимание этого фактора предполагало активное воздействие на распространенность культурных растений.

Годы учебы в аспирантуре и начавшейся до войны преподавательской деятельности в Ленинградском университете одновременно были и годами его разносторонней работы по акклиматизации в нашей стране айлантового и дубового шелкопрядов. Перед войной он публикует три работы на эту тему («Экспериментальные исследования по экологии айлантового шелкопряда», «Опыт экологического анализа распространения и возможности акклиматизации айлантового шелкопряда», «О пищевой специализации дубового шелкопряда и систематических отношений его кормовых растений»). Александр Сергеевич подходил к решению задачи с эколого-физиологических позиций и сумел доказать важность покоящихся стадий жизненного цикла в географическом распространении насекомых.

...Война! В тот же день Александр Сергеевич получает из Полтавы телеграмму: у него родился сын. Молодая жена, Галина Григорьевна Шельдешова, гостила у его матери, и вот надо же: самое горькое и самое радостное событие — в один день. Сердце его разрывается от боли, тревоги за судьбу родных. Он дает телеграмму: сына назовите Сергеем. Движимый патриотическим чувством, он рвется в бой. Он, потомок великого русского поэта, советский патриот, не может стоять в стороне, его место — в солдатском строю.

В июле Александр Сергеевич — в народном ополчении. Сначала он был старшиной роты отдельного артиллерийского батальона, состоя-

щего из студентов, преподавателей и аспирантов университета. Наряду со всеми сражался за город революции, ходил в разведку, строил бетонные доты, оборонял Красное Село и Пулковские высоты...

Но вскоре он со своим аналитическим складом ума, глубокими медико-биологическими познаниями оказался нужнее в совершенно иной роли. Его переводят в санинструкторы, а затем назначают помощником начальника медико-эпидемиологического отдела Ленинградского фронта. Александр Сергеевич с головой уходит в эту работу. В том, что в условиях блокады Ленинград не знал тяжких эпидемий, неопенимая заслуга и праправнука великого поэта. Занимаясь эпидемиологией туляремии, он сам заразился этой опасной болезнью, но именно благодаря его самоотверженности, его научным экспериментам грозную эпидемию приостановили в самом начале. Об этом самоотверженном поступке высоко отозвался главный эпидемиолог фронта профессор С. В. Висковский. Родина отметила научный подвиг Александра Сергеевича Данилевского боевым орденом Красной Звезды.

Почти два военных года он носил за пазухой рукопись неоконченной кандидатской диссертации «Экспериментально-экологические исследования по распространению и акклиматизации в СССР новых видов шелкопрядов». Он дописывал ее уже в военных условиях, в госпитале, где его лечили по поводу дистрофии, всюду, где мог выкроить время. Поистине подвижнический образ жизни — спасая город от туляремии, выкарабкиваясь из дистрофического кризиса, писать сугубо научный труд, результаты которого устремлены в мирный день. Нужно было очень

верить в необходимость научных выводов и рекомендаций, в близкую победу, чтобы собрать воедино силу духа и интеллект, блестяще завершить задуманное. Показателем сам факт защиты диссертации в апреле 1943 года в осажденном Ленинграде, под гром артиллерийской канонады и разрывы бомб. Коллеги Данилевского воспринимали это как торжество человеческих возможностей, боевого духа советских людей. Да и сам Александр Сергеевич, в общем-то чуждый всяких тщеславных намерений и мыслей, гордился этим событием в своей жизни.

Он был на фронте до последнего дня войны. Боевые заслуги кандидата биологических наук, капитана медицинской службы Данилевского были отмечены еще пятью медалями. Он самоотверженно сражался с болезнями в местах расположения воинских частей, его направляли туда, где вспыхивали опасные в условиях фронта заболевания. Его усилия всегда были направлены не только на излечение больших, но прежде всего на устранение причин угрозы эпидемий. И его боевые награды с полным правом можно назвать солдатскими — он спасал жизни бойцов в борьбе с врагом, опасным и коварным, подстерегавшим человека не в открытом бою, а в условиях фронтового быта.

Сделанное Александром Сергеевичем в медицине в годы войны — яркая страница его биографии. Оно могло бы стать и началом весьма плодотворной деятельности на новом научном поприще. Однако он, едва сбросив шинель, снова возвращается на кафедру энтомологии Ленинградского университета, теперь уже в звании доцента. И с головой уходит в начатое до войны дело. Он проводит ряд важных экспериментов

по проблемам, которые изложил в своей кандидатской диссертации, публикует работы о значении покоящихся стадий жизненного цикла в распространении насекомых, о действии постоянной и переменной температуры на развитие яиц айлантового и дубового шелкопрядов. Известные советские энтомологи уже после смерти ученого подчеркивали, что по глубине экспериментального анализа и широте трактовки затронутых проблем его работы, посвященные вопросам реактивизации и адаптивному значению покоящихся стадий, до сих пор остаются непревзойденными.

Александр Сергеевич шел в науке непроторенными путями. В 1947 году он начал исследования фотопериодических адаптаций у насекомых. Ученые единодушно называют это новым этапом в развитии экологии. Данилевский на основе многочисленных экспериментов объяснил роль света, температуры, влажности и других климатических факторов в развитии и размножении насекомых, характер наследования фотопериодической реакции и все связанные с ней проблемы. Практическое применение этих фундаментальных научных изысканий — в прогнозировании размножения вредителей сельскохозяйственных культур, возможности предупреждать нежелательные последствия.

Рассказывая об этой стороне научной деятельности Александра Сергеевича Данилевского, известный исследователь пушкинской родословной В. М. Русаков в одной из своих публикаций отмечает, что практические выводы ученого, относящиеся не только к физиологии живого организма, имеют огромное экономическое значение. И здесь же приводит пример, как в одном из

зверосовхозов, пользуясь трудами А. С. Данилевского по фотопериодизму, ускорили срок созревания мехового покрова голубых песцов с двух лет до одного года. Вот какие результаты дают народному хозяйству исследования одного из ведущих советских энтомологов!

В жизни же он оставался скромным, глубоко преданным науке человеком. Уже занимая должность заведующего кафедрой энтомологии университета, имея научные труды, заслужившие признание отечественной и зарубежной научной общественности, он не спешил защищать докторскую диссертацию. Как-то Марина Сергеевна, гостя у брата, спросила его:

— Почему ты до сих пор не доктор?

— Успеется, — отвечал он. — Главное — что-то дать науке, а защититься успею.

Он был похож в этом на свою старшую сестру Марию Сергеевну! Он спешил обогатить науку новыми знаниями, идеями, выводами, результатами, дать практическую пользу стране. Под его руководством создается славящийся мировой известностью научный центр экспериментальной экологии насекомых. И лишь в 1961 году он обобщил свои исследования по проблеме фотопериодизма в монографии «Фотопериодизм и сезонное развитие насекомых», которая и стала его докторской диссертацией. Мировая наука признала этот труд классическим в области экологии беспозвоночных животных. Переведенная на английский и японский языки, книга стала настольной в среде ученых-энтомологов многих стран.

Александр Сергеевич развивал теорию фотопериодизма насекомых до своего последнего часа. Кафедра и лаборатория энтомологии

Петергофского биологического научно-исследовательского института, руководимые им, разрабатывали фундаментальные проблемы, проводили экспериментальную работу, которые помогли создать стройное учение об экологическом механизме регуляции годичного цикла насекомых. Результаты этой большой работы изложены в сборнике «Фотопериодические адаптации у насекомых и клещей», изданном в 1968 году. Труды Данилевского и его учеников, опубликованные в этой книге, получили высокую оценку участников XIII Международного энтомологического конгресса.

В школьные годы Сашу Данилевского называли «ходячей энциклопедией». Когда он стал известным ученым, коллеги отмечали его поистине энциклопедические познания в биологии. Эколог-физиолог, Александр Сергеевич был также блестящим систематиком полярктических чешуекрылых. Будучи студентом, он увлекся систематикой листоверток и достиг большого успеха — открыл множество новых таксонов этой весьма трудной группы. 60 новых видов и 7 родов различных семейств чешуекрылых описал он в своих трудах, составил таблицы отрядов по личинкам старших возрастов, определитель дендрофильных гусениц.

Еще с довоенных лет Александр Сергеевич серьезно занялся изучением плодовой яблони. Этой проблемой он занимался вместе с женой Галиной Григорьевной Шельдешовой. На протяжении всех лет дружной семейной жизни супруги изучали грушевую и яблоневую плодовой яблони, опубликовали ряд совместных работ. Специалисты отмечали в этих исследованиях тонкое понимание эволюции и филогении, глубокий экологиче-

ский подход. Александру Сергеевичу удалось подвести итоги работы в области систематики и монографии по плодояворкам фауны СССР, которую он написал вместе со своим учеником В. И. Кузнецовым.

Его никогда не прельщал легкий успех. Методу его работы как нельзя более соответствовал известный девиз Маркса: подвергай все сомнению. В. И. Волгин, Н. И. Горышин, В. И. Кузнецов, В. П. Тыщенко в одной из статей, посвященной памяти своего учителя, рассказали о поразительном случае из практики ученого, когда исключительная требовательность к себе заставила его на долгих десять лет отсрочить публикацию интересного исследования. Он усомнился в систематическом положении одной из зимних пядениц, и все это десятилетие не печатал ее описания. Только получив гусеницу этого рода, он разрешил себе научную публикацию. Предельно требователен был он и к языку своих статей и монографий, всегда настаивал на том, чтобы научная информация излагалась четким, понятным не только специалистам, но и заинтересованному читателю слогом. Такое его ревностное отношение к языку, несомненно, предполагало огромнейшую ответственность перед памятью великого предка.

Работал Александр Сергеевич интенсивно, с большой самоотдачей. Он руководил не только вузовскими исследованиями, но много и плодотворно занимался организаторской и исследовательской работой в Зоологическом институте Академии наук СССР, где десять лет заведовал отделением чешуекрылых.

Счастьем своей жизни Александр Сергеевич Данилевский считал педагогическую деятель-

ность. Он мог бы, перефразируя известного советского педагога Сухомлинского, сказать: сердце отдано юношеству и детям. Положение его в педагогической науке определялось не только званиями и должностями — профессор, декан биолого-почвенного факультета университета, — но поистине рыцарским отношением к просвещению, к молодежи, вступающей на научную стезю.

Он был не просто выдающийся педагог, а — талантливый Учитель. Высокую оценку общественности заслужил его курс экологии насекомых, богатый свежими идеями, выводами.

На лекции его ходили не только студенты-биологи, но и студенты, преподаватели других факультетов, сотрудники научных учреждений. Блестящее ораторское искусство, богатый язык, увлеченность, поэзия поиска — все в его лекциях очаровывало слушателей. Молодежь любила его, и он отвечал ей горячей заинтересованностью в каждой студенческой или аспирантской судьбе, бережно и любовно выводил юношей и девушек на дорогу честного служения науке. В учениках любил самостоятельность мышления, инициативу, умение идти своим путем к истине. Он был любимцем студентов и преподавателей, каждый мог с ним беседовать, спорить на равных. Его авторитет зиждился на нравственном фундаменте самоотдачи, искренности в отношениях с людьми и строгой требовательности к себе и к ним. Выросшие под его руководством ученики — специалисты в различных областях теоретической и прикладной энтомологии. Многие из них стали видными учеными: В. П. Тыщенко возглавил после смерти учителя кафедру, Н. И. Горышин работает

директором Петергофского биологического научно-исследовательского института, Е. Ф. Мартынова — старшим научным сотрудником лаборатории энтомологии университета.

На факультете и кафедре осталась «школа Данилевского», и это понятие не только научное, а в первую очередь нравственное. Коллектив сохраняет высокую культуру педагогического труда, которую бережно культивировал Александр Сергеевич. Живы традиции человеческой дружбы, благородства и искренней простоты, рыцарского отношения к науке, научной добросовестности и требовательности. Кафедра разрабатывает проблемы, важное место среди которых занимают начатые еще при жизни Данилевского.

И еще одна традиция оберегается на факультете. Александр Сергеевич вложил в нее много сил, здоровья, сердечного участия. И сам он, и другие преподаватели и научные сотрудники увлеченно работали с юными натуралистами, учениками ленинградских школ. Он был бесшумным организатором городских олимпиад по биологии, в 1964 году основал биологический класс в специализированной школе-интернате при Ленинградском университете. На своем личном примере профессор хорошо знал, как важно с детских лет определить свой путь в науке, и не жалел для работы с детьми ни времени, ни усилий. Обремененный работой по руководству факультетом, кафедрой и лабораторией, он все же практику учеников организованного им биологического класса проводил вместе с ними — жил в палатке, читал лекции, собирал коллекции и гербарии, помогал определять растения и насекомых. Это было воспитание примером,

делом. Как педагогу жизнь с ребятами давала ему многое: не только открывала будущие таланты, но и понимание молодежи, нравственных поисков юного поколения, его устремлений.

Любил Александр Сергеевич работать и с учителями общеобразовательной школы. Он читал лекции в институте усовершенствования учителей, приглашал их на лекции в университет. Внимание к детям, к проблемам среднего образования привело его в коллектив авторов учебника для 10-го класса «Общая биология», где ему принадлежит раздел «Организм и среда». По признанию специалистов, это один из самых удачных разделов учебника.

Сам Александр Сергеевич свидетельствовал: учебник — самое сложное, что приходилось ему писать в жизни. И это говорил он, автор более 120 научных трудов, блестящий лектор! «Средняя школа, — пишет известный ученый и коллега Данилевского, член-корреспондент Академии наук СССР Ю. И. Полянский, — обязана ему тем, что миллионы советских юношей и девушек имеют теперь возможность изучать в школе основы важнейшей биологической науки — экологии».

Авторитет его в научной среде был огромен. Он легко «раздавал» идеи — их хватило бы на целый коллектив ученых, и все они были глубоко продуманы, взвешены. Мало кто знал о его кровном родстве с Пушкиным, он никогда не позволял себе кичиться этим, но те, кому о родстве было известно, улавливали в нем черты сходства с поэтом. И находили их — в полном самопожертвовании делу, которому он служил верно и преданно, в благородстве и горячности, с которыми доказывал научные идеи, в челове-

ческом обаянии и редкостной способности увлекать, зажигать других.

С годами приходило официальное признание научных заслуг. Он был награжден двумя орденами «Знак Почета», избран членом президиума Всесоюзного энтомологического общества, членом ученых советов Ленинградского университета, Зоологического института Академии наук СССР, Всесоюзного института защиты растений, членом редколлегии журнала «Энтомологическое обозрение», международного журнала «Физиология насекомых», который выходит в Англии.

Большой ученый, занятый исследовательской, педагогической, организаторской работой, он оставался нежным сыном, отцом, мужем. Софья Николаевна часто жила в его ленинградской квартире, гостя у сына, ухаживая за правнуками, и сохранила в сердце его заботливость, обязательность, стремление снять с нее лишние хлопоты. По-мужски строго и по-отцовски умно воспитывал он единственного сына Сергея. Они были настоящими друзьями, и сын остался верен нравственным заветам отца. Работая в геологоразведывательной экспедиции, он учится в заочной аспирантуре, готовит себя к научной деятельности.

У Александра Сергеевича Данилевского была очень интересная награда — значок «За заботу о красоте города». Исполком Ленсовета награждал им профессора не за научные труды, а за заботу о благоустройстве двора жилого дома по улице Дибуновской, в котором он проживал последние двадцать лет. Запущенный ранее участок он вместе с Галиной Григорьевной засадил цветами и растениями, которые привозили из

разных районов страны. Он оставил по себе этот зеленый рукотворный памятник, напоминающий о нашем вечном долге перед природой.

Таким же памятником праправнуку Пушкина стала поддерживаемая и сейчас коллекция гладиолусов в лаборатории энтомологии, находящейся в Старом Петергофе.

Александр Сергеевич, наиболее известный из всех потомков поэта, человек, много сделавший для отечественной науки, был одержимым. Он заботился о других, но как-то получалось, что всегда забывал о себе. А может, это стиль всех одержимых? На память приходит снова сравнение с Сухомлинским. Данилевский за двадцать четыре послевоенных года не знал отпусков. Свои отпускные дни он проводил в научных исследованиях, в экспедициях, а если уж оставался дома — писал труды. Отсюда — интенсивность его научной работы, высокая результативность изысканий, популярность в мире науки. Оптимист по натуре, отдых он оставлял на будущее.

Но такое напряжение нелегко было выдержать даже хорошо тренированному организму. В последние дни он сильно был загружен работой, и даже в день смерти принимал американского ученого, они вели интересный для обоих разговор о науке, радушный хозяин знакомил гостя с лабораторией энтомологии. Вечером пошли в кино. Утром гость позвонил на квартиру Данилевских. Ему сообщили: Александр Сергеевич скончался в результате инфаркта. Это случилось 27 июня 1969 года.

...Каждый год 4 марта, в день рождения профессора, в квартире на Дибуновской собираются друзья, бывшие сотрудники, ученики Алек-

сандра Сергеевича, чтобы вместе с Галиной Григорьевной отметить день рождения своего любимого учителя. Он смотрит на них с портрета на стене, чем-то неуловимым напоминая Пушкина. Между ними легли десятилетия, в разное время они жили, различны их заслуги перед человечеством, но в главном они едины: оба честно отдали свой дар Родине.

ТАЛАНТ ДОБРОТЫ

Наталья Сергеевна Савельева

Воспоминания детских лет держатся в памяти долго. Но два эпизода Наталья Сергеевна запомнила особенно ярко.

Мария Александровна читает «Собор Парижской богородицы» Виктора Гюго на французском языке. Наташа уже умеет немножко говорить по-французски, но сложный художественный текст воспринимает с трудом. Бабушка быстро переводит на русский, потом, устав, откладывает чтение на завтра. Девочка уже вся в плену переживаний за судьбу Эсмеральды и Квазимодо, но ничего не поделаешь, придется подождать. У нее рождается горячее желание побыстрее научиться читать и говорить по-французски, ведь в домашней библиотеке столько прекрасных книг Гюго, Бальзака, Вольтера, Дюма...

У них в доме — новогодняя елка. Пришел Александр Васильевич Свешников, гостеприимная Софья Николаевна потчует гостей. За праздничным столом, вокруг елки все поют, и в дружном хоре дирижер отличает тонкий детский голосок Наташи.

— Какие же вы все голосистые! — удивляется Александр Васильевич.— Пойдешь, Тата, по стопам матери.

Он как в воду глядел. Через несколько лет, едва окончив школу, Наталья Данилевская уже пела в женском хоровом ансамбле, которым руководил сначала известный советский дирижер, композитор и педагог Федор Николаевич Попадич, а потом — его не менее известный коллега профессор Василий Николаевич Верховинец. На всю жизнь запомнилось исполнение ансамблем «Интернационала», впервые в нашей стране аранжированного для смешанного хора Верховинцем. Пели «Заповіт» Шевченко, «Грими, грими, могутня пісне», «Хор лісових дзвіночків», «Ой у полі вітер віє» и многие другие песни, написанные или музыкально обработанные Попадичем и Верховинцем для ансамбля.

Сбылась и другая мечта девушки — она хорошо изучила французский язык, овладела разговорной речью. Ей, как и сестрам, в этом помогла Мария Александровна.

Профессиональной певицей она не стала, но пение, музыка в будущем помогли ей в педагогической работе. Она решает поступить в Полтавский техникум промкооперации, готовивший кадры для рождающейся советской индустрии. Окончив ускоренный курс, получает специальность техника керамической промышленности. Как хорошо усвоившую курс химии, ее, однако, направляют на Луганский паровозостроительный завод имени Октябрьской революции, где она работает химиком на теплоэлектроцентрали.

Здесь она знакомится с человеком, оказавшим огромное влияние на всю ее дальнейшую судьбу. Это был Владимир Акимович Савельев, став-

ший ее мужем. Человек литературно одаренный (стихи его, кстати, в свое время ценил Маяковский), необыкновенно талантливый душевно, он работал учителем и свою юную жену как-то незаметно увлек школой.

В Подмоскowie, куда они вскоре уехали, чета Савельевых работает в опытной школе Наркомпроса: он — учителем русского языка и литературы, она — лаборантом кабинета химии. Учеба велась по расширенной программе, работать было интересно, педагогический коллектив подобрался ищущий, сплоченный. Наталья Сергеевна с каждым годом чувствовала себя уверенней, ее тянуло к педагогической деятельности.

Переехав в 1937 году в Полтаву, она поступает на двухгодичные курсы французского языка и заканчивает их в самом начале войны. На долгих два года откладывается ее мечта: войти в класс, сказать: «Здравствуйте, дети!» и начать урок языка, которому научила ее внучка Александра Сергеевича Пушкина, языка, который знал и высоко ценил знаменитый прапрадед..

Владимир Акимович, преподававший в пединституте, ушел на войну. Боевым командиром прошел он путь до Праги, за солдатский труд получил орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги» и «За освобождение Праги».

Наталья Сергеевна сразу же после освобождения родного города начинает работать. Возобновляются занятия, и она вместе с девятилетним сыном Колей идет в среднюю школу № 4. Идет на свой первый урок французского языка.

Она была педагогом по призванию. В трудные послевоенные годы работалось нелегко, но она умела найти ключ к сердцам и «трудных» детей, и детей с исковерканными войной

судьбами, и со взрослыми учениками, которых в старших классах в те годы было немало.

Елена Николаевна Григорович, много лет работавшая вместе с Антоном Семеновичем Макаренко в колонии имени Горького и коммуне имени Дзержинского, а в послевоенные годы преподававшая в четвертой школе г. Полтавы русский язык и литературу, рассказывала:

— Талант педагога чувствуется сразу. Наметанным глазом, чутьем я сразу уловила: в школу пришел тонкий, деликатный, знающий свое дело человек, понимающий, как важно соединить обучение и воспитание в единое целое. Наталья Сергеевна не раз говорила: «Не могу допустить, чтобы мои ученики уходили с урока с подавленным чувством, неуверенностью». Чего греха таить, были учителя, называвшие неуспевающих учеников неудачниками, для которых все в жизни закрыто. Савельева болезненно переживала это, на педсовете ополчалась против негодных методов работы. Она сама показывала пример, как нужно работать с детьми, чтобы каждый нес домой радость. Умела поддержать пусть самый маленький успех «слабого» ученика, охотно работала с мальчиками (школа наша была мужская) после уроков. Всегда полагалась на помощь родителей, могла вселить им веру в способности сына.

Мы удивлялись ее умению открывать в ребятах талант доброты, сочувствия, понимания.

Она любила свой предмет, и ребята, учившиеся у нее, знали французский. Давалось это нелегко. Наталья Сергеевна внесла в изучение французского моменты, заставляющие работать воображение, память, развивающие интерес к языку.

На ее уроках можно было услышать пение. Наталья Сергеевна считала, что изучение песен на французском языке (в основном советских) помогает обогащению словарного запаса. Организовала переписку с французскими пионерами, детьми членов французской коммунистической партии, и это занятие возбудило у ребят повышенный интерес к изучению языка. В школе появилась выставка ученических сочинений на французском, в которых дети рассказывали о Родине, родном городе, о своих друзьях, родителях, о дружбе народов нашей страны.

Несколько лет Наталья Сергеевна одновременно работала в железнодорожной школе № 69, а потом и совсем перешла сюда на работу — в прежней не оставалось классов с изучением французского языка.

— С приходом Савельевой у нас началась, как мы шутя говорили, «французская» жизнь, — вспоминает бывшая ее ученица, избравшая своей специальностью тоже преподавание иностранных языков, Майя Владимировна Елова. — Просто ее уроки оказались самыми интересными, и она стала нашей любимой учительницей. Вот теперь, когда и сама имею кое-какой опыт, понимаю, как вдумчиво она подходила к выполнению программы. Наталья Сергеевна, прежде чем ввести в языковую стихию, «заставила» нас полюбить Францию. Много рассказывала о стране, о ее удивительном народе, читала стихи Гюго, Потье, отрывки из произведений классиков. К школьным вечерам под ее руководством готовили французские песни — «Марсельезу», любимую ленинскую «Слава семнадцатому» — об одном из полков Парижской коммуны... Только в нашем классе три девушки избрали

преподавание французского языка своей профессией. Признаюсь: мы для своей работы многое взяли у Натальи Сергеевны.

Коллеги подметили у Савельевой важную черту, помогающую ей в работе. Она старалась держаться так, чтобы ученики не замечали разницы между ней и ними. Ее увлеченность, молодость восприятия очень импонировали юношам и девушкам.

Рассказывает коллега и подруга Савельевой Мария Даниловна Сосина:

— Весной и осенью мы ездили с учениками в колхозы, помогали полоть, убирать урожай. Наталья Сергеевна работала наравне с ребятами. Был в этом, конечно, и педагогический маневр, но не только. Просто она любила работать на земле и искренне в этом сознавалась.

Ученики часто собирались у Натальи Сергеевны классами. Многие приходили к сыну Коле, дочке Лиде, но было у нее и правило — приглашать в дом всех своих питомцев. Это не было повторением уроков. Но, как вспоминают участники вечерних собраний, на них всегда было интересно, много нового узнавали ребята и по истории и, само собой разумеется, пополняли знания французского. Иногда иностранный принимался на вечерах языком общения, и тут уже Наталья Сергеевна в веселой, дружеской, забавной форме устраивала настоящий экзамен своим питомцам.

С Владимиром Акимовичем они жили красивой, счастливой жизнью. Объединяла семья, объединяли принципы гуманной, требовательной педагогики, которые исповедовали оба. Муж поддерживал ее в добрых делах, помогал советами. У него был большой педагогический опыт.

Вскоре после войны В. А. Савельев возглавил кафедру русского языка Полтавского пединститута и руководил ею почти два десятилетия. Это был один из самых знающих, высокоавторитетных преподавателей вуза, на лекции которого — яркие, образные — приходили люди, цепившие ораторское искусство. Наталья Сергеевна помогала Владимиру Акимовичу, когда он работал над кандидатской диссертацией «Наблюдения над структурой и стилистическими функциями сложного предложения в публицистических произведениях В. Г. Короленко», которую он защитил в 1955 году в Московском пединституте имени В. И. Ленина.

После восемнадцати лет педагогической работы ей, по совету врачей, в связи с быстро ухудшившимся зрением пришлось выйти на пенсию. Трудно было ей, неугомонной, жадной к работе, привыкать к домашнему покою. Но она нашла свое призвание в воспитании внуков, отдавая этому и многолетний педагогический опыт, и обширные знания.

Учителя средней школы № 10 имени В. Г. Короленко, в которой учились Володя и Алеша Савельевы, отмечали, что в воспитании их Наталья Сергеевна сыграла главную роль. Она приучила их с малых лет к труду души, воспитала уважение к старшим, сумела зажечь в их умах тягу к знаниям, интерес к идейному миру, богатству человеческих отношений, к книге.

— В Алеше, — рассказывают учителя, — бабушка зажгла сызмальства чувство моральной доблести, коллективистский характер, потребность делать другим добро. И у него, и у Володи рано появилось понятие о смысле жизни. А ведь это очень важно для формирования личности!

В 1968 году умер Владимир Акимович Савельев, тоже немало душевных сил вложивший в воспитание своих «витаминчиков» — внуков. Наталья Сергеевна живет теперь с сыном, Николаем Владимировичем, и невесткой, Зинаидой Кузьминичной. В семье у них — лад и согласие, и в этом тоже немалая заслуга матери — женщины необыкновенной чуткости, умеющей строить человеческие отношения.

— У нашей мамы — талант доброты, — говорит Зинаида Кузьминична.

Лучше не скажешь. И как педагог, и как человек, несущий в себе эстафету пушкинского рода, она этот талант сумела реализовать достойнейшим образом.

МУСКУЛ РАБОТЫ

Марина Сергеевна Чалик

— Конечно же, мы, родственники Пушкина, понимаем, что Александр Сергеевич принадлежит всему человечеству. Каждое его слово исследовано. Да что слово — каждый его шаг, кажется, известен, о его знакомых, друзьях существует большая литература. Есть у меня в Подмосковье знакомый, крупный инженер, так он, верите ли, знает о Пушкине намного больше меня, его праправнучки, хотя я ревниво слежу за всем, что появляется нового в пушкиноведении. Пушкин очень близок современному человеку. Каждому человеку. Но все же...

Марина Сергеевна Чалик, женщина деловая, энергичная, собранная, далеко не сентименталь-

ная, вдруг начинает говорить с какой-то щемяще нежной задумчивостью:

— А ведь Александр Сергеевич и по времени нам очень близок. Сто восемьдесят лет? Давайте время не годами мерить! Вот моя внучка Лена со мной в таком же родстве, как я с бабушкой — Марией Александровной. Она, наша бабушка, боготворила своего дедушку, без конца рассказывала о детских впечатлениях отца... Подумайте: ее при рождении ласкали руки Натальи Николаевны, доброй, любящей жены поэта. А умерла она на моих руках, и было мне тогда двадцать четыре года. Вы чувствуете, какой осязаемой становится близость к Пушкину, когда время воспринимаешь по этим семейным вехам?

Молчим, думая о самой кровной связи, соединяющей в одном роде столь разные эпохи и судьбы...

— А вот еще ближе к Пушкину. Меня на свете не было, мать с отцом похвалились в письме, что в семье ожидается прибавление, и Александр Александрович, прадед мой, объявил, что крестным будущего ребенка будет он. Умер вскорости мой прадедуска, незадолго после того, как я родилась, но ведь я и сейчас еще человек нестарый — по современным меркам... А дедушка Александр — это же «Сашка рыжий», старший сын поэта...

Бег пушкинской крови осязаем, зрим, воплощен в сидящем рядом человеке! И в этом взволнованном размышлении слышится не только кровное — духовное родство.

Марина Сергеевна — врач. Самое человеческое дело. В чем-то очень важном и существенном оно близко литературе. А профессия глазного

врача, которой она отдала полжизни, и впрямь родственна слову. Долг и природа обоих — открывать мир человеку.

Она выбирала профессию самостоятельно. Хотя, конечно, был пример бабушки, Марии Александровны, искусного врачевателя, были семейные разговоры, советы.

Впрочем, выбор был не так легок. Шестнадцатилетней девушкой, подростком в сущности, Марина, окончив школу, решила попробовать себя в деле. Она устраивается няней в дом грудного ребенка. Было трудно, но возиться с детьми любила. Поработав год, пошла на подготовительные курсы. Наконец, она студентка Полтавского производственного медицинского института! Работы не бросала. Во-первых, помощь матери. Во-вторых, практика. И самое главное — в семье так заведено: всего достигать трудом.

Молодую студентку приняли медсестрой глазного кабинета в детскую поликлинику. Ей очень повезло — она работала с известным врачом Акимом Ароновичем Глейзером. Он был не только крупным специалистом, но и педагогом по призванию. Марина иногда удивлялась: на работе ей приходилось слушать лекции не менее глубокие и увлекательные, чем в институте, с той лишь разницей, что на собственно лекции они не походили, это была душевная беседа: вопрос, ответ, шутка, пространное объяснение... Аким Аронович учил мыслить. Он представлял когорту доброй докторской закваски, которая исповедовала принцип: лечить больного, а не болезнь, — и болезни отступали. Многие взяла будущий врач Марина Данилевская у своего учителя. Вскоре их дороги снова встретились...

В институте она училась хорошо. Работа не мешала — помогала. Но на третьем курсе студенты узнали, что полтавский медицинский вуз расформировывается, их переводят в институты Винницы и Днепропетровска.

Марина решила ехать в Киев — там жила тетка, Мария Николаевна Быкова, мамина сестра. Попросила перевода в первый Киевский медицинский институт. Приняли, но с условием, что она повторит третий курс. Еще один лишний год? Ничего, крепче будут знания.

В Киеве идут пушкинские торжества 1937 года. В институте никто не знал о ее родстве с великим поэтом — срабатывала семейная традиция не распространяться об этом, стремление никоим образом не брать от жизни, как они считали, пенки со славы гениального предка. Отыскивали киевские пушкинисты.

Мария Николаевна и Марина — в президиуме пушкинского торжественного заседания в столице Украины. С юной праправнучкой поэта беседует Павел Петрович Постышев — интересуется, чем может помочь правительство родне Пушкина, как она учится, как живет, чем наполнены ее молодые годы.

— Учебой и работой? Чудесное единение! Так закаляются настоящие советские специалисты! Рад, что потомки нашего большого национального поэта живут одной жизнью с народом, — сказал Павел Петрович, пожимая ей руку.

Она не раз вспомнит эти слова в грозные годы, которые приближались...

Институт — позади. Родная Полтава плыла в пьянящем цвете лип. На Пушкинской — неожиданная встреча. Перед ней стоял Аким Аронович Глейзер.

— Марина, ты насовсем? Да это и так видно. А я... уйду на пенсию. На свое место буду рекомендовать тебя.

— Я же терапевт! И направление...

— А работа со мной для тебя что-нибудь значила?

В сентябре она уже сидела в знакомом кабинете детской поликлиники. Ничего здесь не изменилось, вот только она сама стала офтальмологом.

Начинала налаживаться и личная жизнь. Еще в институте она полюбила сокурсника Ивана Чалика. Поженились они в 1940 году, когда Иван Андреевич уже служил в армии. Службу он проходил на Дальнем Востоке. Не знали, расставаясь, что не увидятся целых шесть лет. И каких лет!

Военная гроза с первых дней втянула в себя и Марину. Профессия военного врача на пять лет становится ее судьбой. Сначала она врач госпиталя в Полтаве, потом вместе с ним эвакуируется в Иваново. Долог путь — длиною в месяц — в не такую уж и дальнюю даль. Были тяготы, были бомбежки, но познала в этой дороге молодой военврач и другое — неистребимую веру в победу. Да, они увозили раненых в глубь страны, но это были не просто раненые — герои. Они рвались в бой снова, просили скорее выписать их. Таких людей победить нельзя. С гордостью сознавала самую кровную связь с ними, чувство Родины в сердце.

Проездом в Москве забежала к тетке, Татьяне Николаевне Галиной. Непривычно было видеть шары в воздухе, заградительную сетку, серый, как после пыльной бури, цвет города.

Но здесь, именно здесь, в столице, она четко осознала: Родина непобедима!

Почти два года Марина Сергеевна была начальником отделения госпиталя. Она умела создать атмосферу уверенности, дружбы, взаимного уважения. Энергии ее по-хорошему завидовали и коллеги, и раненые. Терапевт по образованию, окулист по воле судьбы, она стала хирургом высокого класса.

Особенно памятны ей дни, когда привозили раненых с полей сражений Курской дуги.

— Какие люди, какие люди это были! — до сих пор восхищается она. — Рвались на фронт, неудержимые. А как любили своих полководцев, например, Рокоссовского! Поверьте, я ни разу не видела его, не служила под его командованием, но на всю жизнь полюбила этой солдатской любовью. Истинно: полководец ведет, когда он в сердце солдата.

Марина Сергеевна осмысливает это не сегодня — это ее убеждения военных лет. Тем ценнее они, ибо за ними — пульс фронтового мышления, один из многих источников, из которых складывалась победа.

Когда был создан Первый Прибалтийский фронт, молодого военврача капитана медицинской службы Марицу Данилевскую направили в один из госпиталей военного тыла. Они шли за фронтом — Калинин, Паневежис, Тильзит, до самой победы. Свой орден Красной Звезды получила при освобождении Кенигсберга.

— В Тильзите ночью услышала долгожданное слово «победа». Мы, медики, все заряды повыпускали и сдали пистолеты...

Но для Марины Сергеевны война не кончилась. Бросок на Дальний Восток, разгром япон-

ских милитаристов — и те же госпитальные хлопоты. Начальник отделения Данилевская возвращается к мирному труду солдат второй мировой. Из многих тысяч больных запомнила она Алешу Алешина. Своими руками выходила она его, отняла у смерти. Красотой юности он как бы отрицал жестокость самой войны, навязанной нам фашистами. Сколько же таких Алешиных прошло через ее руки, чтобы встать в строй живых, достроить, долюбить, доехать, поднять на своих плечах Родину!

И когда она смотрит на свои медали «За победу над Германией...» и «За победу над Японией», для нее они символизируют прежде всего победу над смертью, торжество жизни. В самом прямом и самом высоком смысле.

В сорок шестом она с большой группой советских врачей выигрывает еще одно сражение. Осенью ее посылают в Северную Корею гасить страшную эпидемию холеры. Работали без устали. Ездили по селам, заходили в жилища, школы, выявляли больных, изолировали их, лечили.

— Высок был авторитет советского человека у корейцев. Они пережили ужасы японской оккупации. Холера свирепствовала и в те черные дни. Японцы сжигали целые территории, населенные пункты — с людьми, больными и здоровыми, с домами. Мы же — лечили. И вылечивали. Мы несли санитарную культуру в корейскую деревню... Измоталась я там, как и все, но с чем сравнить удовлетворение: болезнь побеждена!

Из войны она вынесла многое. Солдат ранили пули, осколки снарядов, бомб. Врачей ранили раны больных. Марина Сергеевна за всю войну не смогла привыкнуть к страданиям бойцов,

но приобрела неоценимое для врача — самообладание, умение помочь больному обрести веру в исцеление.

И вот — позади корейские деревни над рекой Тумыньулой, последние дни службы майора Марины Данилевской. Поезд мчит ее к мирной жизни, к мужу Ивану Андреевичу Чалику, который служит на Северном Кавказе. Оттуда возвратятся они в Полтаву, где встретят их изгоревавшаяся, но мужественная Софья Николаевна, сестры, племянники, зять.

Горевать некогда, Марина Сергеевна вся в работе, энергичная, напористая. Вместе с несколькими врачами налаживает педиатрическую службу в городе, а потом всецело уходит в офтальмологию. Двадцать лет проработала она в областной клинической больнице, лишь перед выходом на пенсию на некоторое время возглавила глазное отделение районной больницы пригородного Полтавского района.

О том, как она трудилась, рассказывают ее коллеги.

— Марина была душой нашего, пусть небольшого сообщества окулистов, — рассказывает заведующий отделением областной больницы, заслуженный врач республики Александр Лукич Шупик. — Знаете, в каждом коллективе есть человек, который заражает окружающих оптимизмом, дружелюбием, истинно товарищеским отношением к людям. Не боясь ошибиться, с уверенностью скажу, что именно этими своими качествами Марина Сергеевна творила душевный настрой в отделении. Все это у нее увязывалось с ответственным отношением к делу, высоким профессионализмом. Я пришел в отделение немного позже ее, она, исполнявшая

почти год обязанности заведующей, вводила меня в курс, знакомила с коллегами, с постановкой лечения больных. Диагностика, методика вполне соответствовали современным требованиям. Для больных, подметил я, она была как родная мать. Удачнейшее сочетание мастерства и обаятельности!

Александр Лукич рассказывает о годах совместной работы с Мариной Сергеевной, вспоминая сотни операций, которые ей приходилось делать, больных, которым она возвратила зрение. Ей поручали сложные операции — катаракту, глаукому, извлечение инородного тела, исправление косоглазия, заращение слезного носового канала. Набивая, как говорится, руку, не любила топтаться на месте. Ездил в Одессу к Филатову учиться новым методам операции глаукомы. И других подстегивала: учитесь, друзья, иначе жизнь обгонит вас!

У Ольги Федоровны Gladun отношение к Марине Сергеевне особое.

— Пришла я в областную больницу не сразу после института, а поработав несколько лет в сельском районе, — рассказывает она. — И растерялась сначала: совершенно иной уровень работы, организации, мышления... Что бы я делала, не будь рядом этой доброй, всегда веселой и жизнерадостной женщины — не знаю и сейчас. Она, выражаясь языком врача, вела меня, как ребенка, по тонкостям глазной клиники. Технику хирургических операций постигала исключительно у нее. Да разве я одна? Вот Надежда Георгиевна Березняк рядом со мной сейчас трудится — и ее Марина Сергеевна поставила на ноги.

Ольга Федоровна улыбается:

— Душа у нее открытая, добрая, отзывчивая. Мы были молодые, дети у всех маленькие. А тут — вызов на район, трудный случай. Бежим к Марине Сергеевне: «Помогите, в Оржицу нужно лететь, а сынок расхворался». Она уже готова, легка на подъем, «Аннушка» взмывает в небо — и через час оперирует больного. Иногда подумаю, не злоупотребляли ли мы ее добротой, но сразу же гоню эти мысли: ведь у этой женщины такой характер, такая жизненная программа в ней заложена.

Коллеги вспоминают и о принципиальности своего старшего друга и наставника. Много лет избирали Марину Сергеевну членом месткома, заедали на заседаниях жилищные вопросы. Врач Чалик никогда не поступалась справедливостью, понимая, что за важным житейским вопросом всегда стоит человеческое счастье или горе.

Мужественно перенесла она смерть Ивана Андреевича. Выучила дочку Таню — унаследовав профессию родителей, она стала врачом, работает в подмосковном Клину.

— Рада за нее, — с гордостью матери говорит Марина Сергеевна. — Не пошла легкой дорогой. Начинала с самого трудного. Пять лет была врачом сельского участка. Хорошая школа. Теперь вот — фтизиатр, уважаемый в городе человек.

Припоминаю Таню, какой она была в 1962 году, — тринадцатилетнюю девчонку с книжкой в руках. Она достойно переняла эстафету славного рода.

Обдумываешь яркую, интересную жизнь Марины Сергеевны, этот целеустремленный характер, ее энергию и жизнелюбие, и вспоминается цветаевское о Пушкине: «мускул полета, бега, борьбы». Борьбы, понимаемой сегодня как

работа. Будничная, как жизнь, и потому самая интересная. Мускул борьбы — мускул работы. И это, наверное, главное, в чем современные потомки Пушкина близки к нему.

„ЦЕЛЬ ХУДОЖЕСТВА ЕСТЬ ИДЕАЛ...“

Николай Владимирович Савельев

— Строителей среди потомков Пушкина немного. Я знаю троих. А специальность — из нужнейших. Никогда не жалел, что выбрал ее. И даже в самом начале не было сомнений, хотя инженерно-строительный институт в пятидесятых не считался модным.

Николай Владимирович Савельев имеет полное основание говорить о профессии строителя в самом широком смысле слова. Он попробовал ее, как говорится, со всех сторон. В его трудовой книжке стоят только два места работы, но он побывал во всех возможных для его специальности ролях — и организатора строительства, и проектировщика крупных хозяйственных и социально-бытовых объектов.

В юности его сначала занимала биология, но потом появились две страсти. Неодолимо влекло зодчество и так же целиком захватывала живопись.

Наверное, если бы не пошел в строители, стал бы художником. Любовь к живописи не прошла, не стала приятным воспоминанием. Он в курсе всех ее современных тенденций, а уж классику знает в совершенстве. Художественные музеи городов страны, куда приходилось ездить, знает так же хорошо, как и местную картинную

галерею. Рад, когда, бывая в селах области, вдруг обнаруживает картину древнего мастера, народного умельца.

Кстати, дома у Николая Владимировича висит, кажется, доселе неизвестная художественному миру работа Леонида Пастернака — портрет прабабушки хозяина квартиры, ученицы художника Веры Михайловны Катениной-Данилевской, женщины большого ума и красоты, двоюродной племянницы известного писателя и литературного критика пушкинской поры Павла Александровича Катенина. Семейная реликвия. И вместе с тем — свидетельство того, что в правнучке повторилось художественное видение, присущее смелой казачке.

Но он все же выбрал строительство. Стал инженером. Почему не архитектором? Просто тогда в Полтавском институте не было архитектурного факультета. Но зодчество он изучил основательно, это показал весь его последующий опыт. Идеей своей жизни он определил воплощение красоты, инженерное решение полета мысли и вдохновения архитектора.

Как инженер он сформировался на Севере. Окончив институт, вместе с другом Владимиром Сизоновым, который, кстати, все время учебы жил в заботливом, приветливом «гнезде» пушкинских потомков, Николай Савельев едет в Архангельск. На плечи двадцатитрехлетнего парня ложится большая ответственность: его назначают главным инженером управления строительных работ треста «Архангельскстрой». Управление проводит монтаж каркасов жилых домов и промышленных сооружений в городе. Проблем много. Приходится строить первые послевоенные каменные дома областного центра,

а какой здесь опыт, когда и довоенных раз-два и обчелся. Почв не знали, а город-то стоял на болотах, на мощных глинах и торфяниках толщиной залегания в восемнадцать метров. Все возводится на сваях. Сложности с подземными коммуникациями невероятные.

Николай Владимирович припоминает:

— Себя-то мы пацанами считали — неопытные, мол, неоперившиеся, молодые. В сущности, так оно и было. Но здесь поставили дело так, что мы сразу почувствовали себя взрослыми, ощутили, что мы здесь нужны. Будучи главным инженером управления, не станешь хныкать, копать в дебрях самоанализа: от тебя зависит план, заработок людей, решение инженерных проблем.

Как-то группу инженеров, в которой был и Савельев, пригласил секретарь обкома партии:

— Дело есть, товарищи. Ходите в наш драматический театр? Был у меня сегодня директор, бьет тревогу. На носу ответственные гастроли, а у них подозрения, что потолок вот-вот рухнет. Строили в тридцатых годах, не все учли, вот и проседают фермы. Сами понимаете, отменить гастроли сложно, но и жизнью людей нельзя рисковать. Сделайте инженерное заключение.

Случай не из ряда вон выходящий, но показательный: с молодым инженером считались, с ним часто советовались при решении сложных строительных проблем. Привлекали смелость, раскованность мысли, умение быстро и грамотно решать дело, находить наиболее экономичный вариант.

В работу он вкладывал немало сил, умения, мастерства, молодого задора. Росли жилые дома, построен медицинский институт, встает новый

микрорайон Кузнечиха. Столица обширного северного Поморья из деревянного превращается в современный город. Молодой инженер Савельев был не только одним из рядовых его строителей, но и автором градостроительных решений.

— Пять архангельских годков пролетели быстро, но я благодарен жизни, что они были. Север народ выбирает особый, с характером прямым, крепким. Выдерживают его суровые условия только люди закаленные, настоящие. Как ни сложно было, но северяне старались строить добротно.

Он не мог, не хотел бросать любимого дела, полюбившихся людей, край, который встретил его так радушно и сердечно, к которому прикипел душой. Но мама писала письма все тревожнее: заболел отец... первый инфаркт... второй... Он представил отца, самого любимого человека, учителя жизни, мать, ухаживающую за Владимиром Акимовичем, изможденную горем. Сестра Лида — далеко, в Ленинграде, учебу бросить никак нельзя. Рядом — Софья Николаевна, Ирина Сергеевна, Марина Сергеевна... Но нет его — сына. Отец ждет.

Николай Владимирович с болью в сердце расстается с Архангельском, где начали подниматься построенные им белокаменные улицы, где продолжают жить выстрадавшие им инженерные идеи, остаются лучшие друзья его молодости...

В Полтаве создавалось областное межколхозное строительное объединение, включавшее в себя и контору «Облколхозпроект». Менялись потом ее названия, подчиненность, структура, сейчас это — филиал республиканского института «Укрколхозпроект», но дело, которым зани-

мается его коллектив — проектирование производственного, социального и культурно-бытового строительства на селе, — одно из благороднейших, важнейших дел в социалистическом преобразовании облика современной деревни, осталось. Объединению нужны были не просто опытные кадры, но люди, могущие поставить производство сразу на надежную основу, умеющие мыслить перспективно, с учетом требований не только дня сегодняшнего, но и будущего. Савельев пришелся как нельзя более кстати.

Около половины проектов кирпичных заводов облагростроя «прошли» через руки Савельева. Это тоже было очень важно — быстрее построить свои собственные заводы по производству стеновых материалов, обеспечить ими колхозные стройки. От маленьких, едва обеспечивающих основные объекты межколхозных строительных управлений до мощных предприятий, которые дают кирпич и другим ведомствам, и индивидуальным застройщикам, — таким путем шли строители. И проектанты обеспечивали их документацией. Отдел, руководимый Савельевым, начинал также проектирование крупных свиноводческих ферм и комплексов.

— Честно говоря, меня влекло совершенно другое, — сознается Николай Владимирович. — Конечно, Дома культуры, жилье, детские сады проектировать интереснее, мы, кстати, занимались и этим. Но так судить — поверхностно. Я рад, что сумел вложить знания и опыт в становление, развитие строительной индустрии села. Сегодня наш облагрострой — один из лучших в стране. Последние десять лет возглавляю отдел гражданского строительства. И теперь, знаете ли, даже легче мыслить, обду-

мывать проекты своих новых объектов, ведь знаешь возможности наших строительных организаций, чувствуешь, что и частица твоего труда есть в этом.

Савельев внес в созданный им коллектив отдела дух творчества. В Полтаве несколько организаций, занимающихся проектированием гражданских объектов, но, по единодушному мнению специалистов, с которыми приходилось беседовать, именно у него архитектор получает возможность наиболее полно проявить себя, свою инициативу, хотя руководитель Николай Владимирович требовательный и дисциплину любит. Но любит и творческую мысль, умеет поддержать ее. Именно поэтому, наверное, у коллектива так много интересных находок, оригинальных решений — и в возведенных объектах, и в невоплощенных пока проектах.

— У меня принцип: дать человеку идею так, чтобы он принял ее как свою. Тогда он и в проект вложит ее как любимое детище, будет работать легко и радостно.

Уважение к человеку, вера в его творческие потенции лежат в основе этого, психологически верного, метода работы с людьми.

Есть в селе Головач под Полтавой красивейший комплекс учебно-оздоровительной базы обл-агростроя. Главный объект базы — пионерский лагерь «Василек». Его корпуса и летние домики органически вписываются в густой бор.

Главный инженер проекта «Василька» и всей базы — Николай Владимирович Савельев. Лагерь строился сначала как ведомственный, без учета перспективы, потом разрастался до уровня областного. Облик созданной умом и талантом

базы отдыха сельских строителей и их детей свидетельствует о напряженном творческом поиске отдела и ее руководителя.

Каждого нового человека поражает интереснейший комплекс Дома пионеров, планетария и музея космической техники. Чарующая легкость, изящество форм, благородная простота линий и — добавляют руководители облагораживая — экономичность.

Оригинальное здание музея космической техники и планетария, в котором применены приемы пластической архитектуры, возведено за два месяца. Срок для сельских строителей непривычный, к тому же они имели дело с выпуклыми стенами, сложным интерьером.

Николай Владимирович ставит в заслугу проект музея и планетария молодому архитектору Николаю Карюку, получившему за это республиканскую комсомольскую премию имени Николая Островского.

— Нет,— энергично отрицает тот.— Савельев не только соавтор, но в полном смысле автор многих архитектурных решений. Мы с ним перебрали сорок вариантов, прежде чем остановились на этом, уже воплощенном.

Уж такой, казалось бы, неинтересный объект — стрелковый тир. Но и он — произведение искусства. Савельев предложил сочетать несущую способность металла и дерева, сделать дерево-металлическое перекрытие, очень легкое, изящное. Интерьер тира — как в хорошей сказке: свет льется через треугольные окна, игра цветов. Интересно, в форме шатра, выполнены павильоны пионерских отрядов.

В Головаче видны творческие находки Савельева и его коллег на каждом шагу. Построе-

ны дом для приезжих, оригинальной формы грязелечебница. Руководитель мастерской и тут пошел на рискованные решения. Он предложил в качестве стенового материала ракушечник, хотя давно бытует мнение, что для капитальных зданий он не годится. Смело сочетаются отделочные материалы по тону и цвету — кирпичная кладка и штукатурка, ракушечник и кирпич, инкерманская и керамическая плитки. Впрочем, такое сочетание, а также лицецкую кладку можно видеть и в проектируемых им зданиях в селах области.

Интереснейшая тема поисков Николая Владимировича — жилой дом сельского жителя. Мастерская предложила несколько проектов, но ее руководитель считает, что над ними еще нужно работать и работать. Он ездил в Эстонию изучать опыт жилищного строительства, сооружения общественных центров на селе и привез оттуда много дельных соображений.

— Гнать обычные коробки в деревне сегодня — не дело, — утверждает он. — Ведь строительство сейчас движет на селе жизнь. Нужно строить современное жилище со всеми коммунальными удобствами, службами, предвидеть оптимизацию сельского быта, развитие его коммуникаций. С одной стороны, учитывать сложившиеся интересы, обычаи, с другой — тенденции развития деревни. В принципе, решать каждый объект индивидуально. Сейчас разрабатываем индивидуальный одноквартирный дом со всеми хозяйственными постройками. В доме будет камин, между прочим, — разве не заслужили его механизатор или доярка? И обязательно — гараж. Все лучшее из достижений архитектуры мы должны дать людям, которые кормят

страну. Омоложить сельскую архитектуру, ибо омолаживается сам человек, совершенствуя жизнь.

— «Цель художества есть идеал»? — напоминаю собеседнику слова Пушкина.

— Да, если хотите, — с жаром поддерживает Савельев. — Ведь и цель-то наша, архитекторов и строителей, — сделать жизнь человека лучше, внедрить в нее художественные образы коммунистического быта. Мы — проводники красоты, эстетической мысли. Искусство организует наше чувство, говорил Луначарский в одной из лекций о Пушкине. А мы добавим об архитектуре: и работу, и настроение.

Он рад, что в коллективе у него все — единомышленники. Все 90 человек, работающие в отделе. Многих из них он взрастил, воспитал. Его ученики — талантливые, самостоятельные в творческих решениях, но, как говорил Николай Карюк, с радостью воспринимают обаяние его личности. Как-то пришел в мастерскую Владимир Онишко. Подметил Савельев в нем ищущего человека, дал ряд ответственных заданий — справился. Владимир был призером двух областных конкурсов на сельский жилой дом. Стали настоящими мастерами Геннадий Зильберблик, Анатолий Корниенко, Виктор Демусенко.

Такие люди, стремящиеся к идеалу в своей работе, способны увлечь этой благородной целью многих.

ПЛЕМЯ МЛАДОЕ,
НЕЗНАКОМОЕ...

*Теперь ты юноша — и полною душой
Цветешь для радостей, для света, для свободы.*

А. Пушкин

ГРАЖДАНИНОМ БЫТЬ ОБЯЗАН

Владимир Николаевич Савельев

В Пушкине мне ближе всего его отношение к дружбе: как верен был он лицейским друзьям, как нежно и трепетно любил их до своего смертного часа! По душе мне его отношение к любимой женщине. Сквозь годы пронес он высокое чувство любви к Анне Керн, к Марии Раевской-Волконской, которой посвятил знаменитое вступление к «Полтаве». Пушкин никогда бы и ни за что не променял Россию, Родину — и в этом он всегда современен...

Двадцатилетний студент Владимир Савельев говорил о том, какие из гражданских качеств великого предка он взял на всю свою жизнь. Его понимание Пушкина по-родственному чутко и по-современному осмысленно: чувство дружбы, любви к женщине крепко соединено с патриотическим чувством любви и верности Родине. Интимизация гражданского чувства всегда была ярко выражена в поэзии Пушкина, и эта же черта в высшей мере присуща советскому человеку. В Володе виделось мне слияние гене-

тического и общественного, остро современно-го взгляда на жизнь, на свое предназначение в ней.

И вот встреча через восемь лет. Владимир окончил институт, отслужил армию, подрос сын Андрейка — вот-вот пойдет в школу. Договорились встретиться в два часа дня, но не получилось: у хирурга Савельева неожиданная операция. Он передал извинения дежурной сестрой, через полчаса, немного усталый, зашел легкой походкой в кабинет, еще раз извинился — дело есть дело, и улыбнулся:

— Помог. Случай как будто бы и простой, но ведь, бывает, к хирургу обращаются тогда, когда уже невмоготу. К счастью, перитонита не было, через семь дней паренек на ноги встанет...

И я задаю вопрос, как бы продолжающий начавшийся восемь лет назад разговор:

— Когда-то вы определили в своем великом предке как важное гражданское чувство — любовь...

— Любовь к женщине, к России, Родине. А вы знаете, сегодня я бы уточнил, добавил: любовь к человеку, преданность делу, по-современному — деловитость. Вспомним последние дни Александра Сергеевича, последнее его письмо. Кому оно адресовано? Александре Осиповне Ишимовой, человеку в общем-то не знаменитому, да и в пушкинской биографии ничем, казалось бы, особым не отметившемуся. Но Пушкин заметил ее «Историю России в рассказах для детей», а ведь он еще и издатель «Современника», он «поневоле зачитался. Вот как надобно писать!» — и заказывает ей переводы очерков Барри Корнуэля. Он уже едет на дуэль, неизвестно, как она еще кончится, но считает долгом

ответить писательнице, которая ждет не дождется его отзыва. Через несколько часов пуля Дантеса смертельно ранит поэта — а он заботится о деле, заботится о человеке...

Володя не говорил о том, что пример великого предка для него предмет подражания, но в его словах чувствовалось глубоко пережитое отношение к деяниям поэта. Когда-то он достаточно резко, хотя и дипломатично по форме, оборвал рассуждения заезжего журналиста об отождествлении судьбы потомков с судьбой великого Пушкина. Журналист спрашивал: «Александр Сергеевич на всех поворотах судьбы сравнивал то, что происходило с ним, с происшедшим то с Овидием, то с Байроном, то с Шенье, Радищевым... Он как бы ощущал себя в их теле. Не чувствуете ли и вы какой-то внутренней переклички с жизнью Пушкина?» — «Не чувствую, — ни минуты не медля, сказал Савельев. — Не те времена, не те проблемы, да и, если в тебе даже бежит пушкинская кровь, как сравнить то, что делаешь, чем живешь ты, с содеянным гением? Досужее, скажу вам, занятие». Помолчав, он добавил: «Другое дело — не забывать, к какому роду принадлежишь. Ничем не запятнать память, честь, истину... Чувствовать то, о чем говорил Вяземский: Пушкин принадлежит не одним близким и друзьям, но и отечеству и истории. Это — я помню».

Скромность? Да, и не показная — органичная. Но и глубочайшее ощущение ответственности за достоинство рода. Ощущение, помогающее жить с полным напряжением духовных и нравственных сил, честно и открыто.

Мне приходилось в его школьные годы говорить с классным руководителем Евдокией

Григорьевной Чухарко. Опытный воспитатель, она не склонна была выделять Володю из учебного коллектива, но все-таки находила в нем то, что как-то определяло особое место мальчика в классе.

— Он дружит со многими, можно сказать, со всеми. Но это не всеядность, а умение налаживать отношения с людьми. В нем с первых школьных лет была заложена внутренняя потребность в товариществе ровесников. Но, повторяю, Володе не все равно, кто его окружает. Он очень наблюдателен, хорошо различает фальшь, неискренность. И — умеет поставить на место: неназойливо, легко, почти весело. Он никогда не грубит, замечания выражает в деликатной форме. Но слово его в классе очень авторитетно.

То же рассказывали мне его друзья-однокурсники по институту. Староста группы Любовь Поветкина сознавалась:

— Что такое настоящая дружба, мы узнали, подружившись с Володей Савельевым. Все годы учебы мы избирали его комсоргом — случай в Полтавском мединституте не такой уж и частый, — потому что он умеет дружить, не размениваясь в этом чувстве на беспринципность и всепрощение. У кого-то что-то не получается с учебой — подойдет, подскажет, поможет. Особенно если это касается хирургии — как-никак, у него довольно большая практика. Но лени никому не прощал, был беспощаден к лентяям. Мы называли это — беспощадная любовь...

Комсорг группы и вправду был душой студенческого коллектива. В квартире Савельевых на Пушкинской улице, как когда-то в пору ученичества и студенчества Марии Сергеевны и Ирины Сергеевны, Николая Владимировича и

Лидии Владимировны, собиралась по вечерам группа в полном составе. Приходилось видеть здесь Сашу Шишко с юной женой — они дружили с школьных лет, Веру Лапко, Мишу Новикова, Валентину Гнитько, Мишу Бесараба, Аню Пистук... Пели, играли на гитаре — тут первенство всегда было за хозяином, спорили о книгах, о кино, о любви, долге, дружбе. И читали стихи — поэтов современных и ушедших, но прежде всего — Пушкина.

Педагоги правильно говорят: человек будет таким, каким он сформируется в детские и юношеские годы. В Володе Савельеве многое заложено именно в детстве, отрочестве. То рыцарское отношение к женщине, которое так близко ему в Пушкине, он воспринял с детских лет, видя в большой «феминизированной» родне истинно мужскую заботу о женщинах, — деда, Владимира Акимовича, и отца, Николая Владимировича. Учителя в связи с этим примечали и такой, казалось бы, незначительный факт:

— В школе у нас самообслуживание. Так вот Володя ни разу не позволил девочкам носить воду. Сам не такой уж богатырь, он брал в руки два полных ведра и легко, быстро поднимался наверх, наводил порядок в классе.

Пример — не из высоких духовных сфер, но о духовном мире подростка он говорил многое. Были, конечно, случаи и посложнее. Он не давал в обиду девушек, случалось это на улице или в школе. Умел спокойно, без ссор заставить мальчишек понять, что их отношение к подругам было перыцарским. Комсорг их класса Наташа Тарасенко, с которой Володю все школьные годы связывала добрая дружба, стала его женой.

О своем чувстве Володя, человек деликатный и сдержанный, не говорит, но в одном сознается:

— В Наташе привлекает целеустремленность, серьезность. В школе она мечтала стать филологом. И стала. Сейчас работает ассистентом в Полтавском пединституте, пишет научные труды, есть публикации. Дело любит и знает. Не увлечение, а серьезная работа...

У самого Володи в школьные годы было все наоборот. Он долго не мог определить своего выбора. Интерес к предметам у него был ровный. Увлекался фотографией, радиоэлектроникой, филологией — казалось бы, что общего между ними? Сейчас ему ясно: это было все-таки не разбрасывание молодых сил, а поиск себя. Поиск, который привел его к медицине.

— Только в десятом классе, — вспоминает Евдокия Григорьевна Чухарко, — он сознался, что хочет стать врачом. Хирургом. Спросила его: «Чем же тебя привлекает эта профессия? Престижностью? Или — трудностями? Придется и ночью спешить к больному, и нервное перенапряжение выдерживать». Вова ответил по-мужски твердо: «Хочу помогать людям жить».

У него и сейчас нет сомнений в выборе профессии.

— Помочь человеку — самое благородное дело. А у хирурга больше возможностей помочь самым радикальным способом — вернуть человека обществу здоровым, пригодным к труду.

Это убеждение отвечает его жизненному принципу: доводить дело до конца. Будучи студентом, он первым в группе получил право ассистировать на операциях третьим помощником, и помощником, как свидетельствовали работавшие с ним хирурги, был стоящим.

Опытный хирург-уролог второй городской больницы Семен Савельевич Бомар отмечал в студенте вкус к работе.

— Вкус, знаете ли, слово для хирурга будто не из ряда профессиональных. Но Володя так до тошно входил в детали, быстро схватывал все, как говорят, на лету, что я не сомневался уже с первых дней его работы на практике: у него все серьезно, основательно. К хирургии как делу жизни он относится с восхищением. Здоровым, трезвым восхищением, отмечающем человека интеллигентного, профессионала.

Ассистент кафедры факультетской хирургии Борис Филиппович Лысенко, который вел группу, дополнял эту мысль:

— Владимиру хорошо помогает его широкий научный кругозор. Умение мыслить диалектически позволяет принимать, пока, конечно, только для себя, правильные решения. Без сомнения, талантливый и перспективный — это, при его самокритичности, не будет громким авансом сказать и сейчас, хоть мы, по понятным причинам, о студентах стараемся так не говорить...

В стремлении стать хорошим хирургом Володя не мог ограничить себя практическими занятиями. Во время летних каникул он попросился поработать в отделение экстренной хирургии. Ему разрешили принять участие во многих операциях. Юный третий помощник полюбился хирургам второй городской больницы. Движимый жаждой знаний, практического опыта, он с начала учебного года работал в вечерние часы. В научном студенческом кружке готовил реферативные доклады по страницам хирургических журналов. Всерьез заинтересовался иглотерапией, хоть она как будто и далека от избранной

профессии. Но человеческий организм едип — вот его резон. Каждый день у него был напряжен до предела, но именно эта насыщенность трудом и учебой и давала ему ощущение полноты жизни.

Теперь, когда за плечами пять лет работы, есть возможность сравнить «авансы» учителей с результатами. Николай Викторович Дубинский, заведующий хирургическим отделением первой городской больницы Полтавы, непосредственный руководитель Володи, ничего не зная о «пророчествах» Бомара и Лысенко, как бы подхватил их эстафету:

— Савельев? Ничуть не кривя душой, могу уверенно сказать: один из лучших наших хирургов. Чертовски талантлив! У него руки истинного целителя, но для хирурга даже очень чутких рук мало. Много читает, помнит методики сложнейших операций, быстрота реакции, мышления, предельная собранность очень помогают в деле. Честен перед собой и в общении с коллегами. Иногда кое-кому трудно рядом с его честностью, но это трудность особого рода, побольше бы ее в нашей работе! Умеет выслушать товарища, критичен, в высшей мере коллегиален. Горяч бывает, но эта горячность — от желания улучшить дело. И, знаете, что главное? Больные любят его. Иногда говорят: это не так уж существенно, лишь бы дело не страдало. Не знаю, в наш рационалистический век, может, кому-то и такой взгляд приемлем, но я придерживаюсь мнения: если больные тебя уважают, значит, ты как человек и специалист чего-то стоишь. Не с железкой ведь имеем дело — как же без чувств?

Николай Викторович подумал и сознался:

— Мне, знаете, почему еще легко работается с Савельевым? Профессионально коллективом руковожу я — и тут забот хватает с утра до вечера. А Володя, не занимая никакого административного или общественного поста, стал как бы правой моей рукой. Идейным руководителем, неформальным лидером — как хотите это называйте. Авторитет у него высок, хоть коллектив у нас как будто бы сильный, молодежный...

Рассказываю Володе об этом признании его старшего товарища, а он отмахивается, непритворно смущаясь: какое там лидерство, просто старается вносить в жизнь отделения организованность, привлечь людей к поиску, самосовершенствованию, развить интерес к новому в их трудном и благородном деле. И — улыбается чуть-чуть с задоринкой:

— Как-никак, шесть лет комсомольской работы в институте приучили думать не только о себе. Жить только для себя — неинтересно!

И мне вспомнилось знакомство с комсомольскими делами тринадцатой группы лечебного факультета. Когда Володю избрали комсоргом, он на собрании поставил задачу: группа должна стать лучшей. Задача нелегкая, если учесть, что отбор в институт суровый и беспощадный, конкурс большой, на студенческую скамью попадают юноши и девушки с хорошей теоретической подготовкой, практическим опытом. Комсорг сумел сдружить ребят, увлечь учебой и наукой. И не просто сдружить, а увлечь добрым делом. Секретарь комсомольского бюро факультета Василий Литвиненко раздумывал:

— Я не раз бывал в группе, кажется, хорошо ее знал, но вот сразу сказать, чем же Володе

удалось увлечь ее, трудно. Наверное, здесь имело значение все: и серьезное отношение его к учебе как гражданскому долгу, и высокая личная ответственность в общественных делах, и, конечно же, порядочность, предполагающая порядок во всем. Каждый комсомолец имел поручение, а это тоже обязывает ко многому.

Цель была достигнута — тринадцатая группа все годы удерживала первое место на курсе по успеваемости и общественной активности студентов. Михаил Новиков, мастер спорта, один из талантливейших полтавских студентов, зажигавший 12 июля 1980 года олимпийский огонь на городском стадионе, получал Ленинскую стипендию, сам комсорг — отличник. Володя опередил всех в профессиональном отношении, но об этом уже говорилось.

— Человека создает забота о других, — убежден он. — В этом отношении общественная работа — самая благодарная: дисциплинирует, учит мыслить, бороться. Так я думал в студенческие годы, в этом убежден и сейчас. Нельзя, конечно, сводить все к выборным должностям — на всех не хватит, но искать для себя дело должен каждый.

Друзья по студенческой группе открыли в Володе хорошего организатора в труде. Тринадцатая была первой на строительстве хирургического корпуса областной клинической больницы, на сельхозработах в Диканьском и Лохвицком районах. Коллеги увидели в Савельеве организатора досуга. В отделении подобрался хороший, дружный коллектив молодых врачей и медсестер, и если удастся улучшить свободный час, выехать на природу, — Володя с его неразлучной гитарой, со стихами и песнями, с

любовью к живописным пригородным местам — душа компании, ее заводила, солист и знаток цветов, грибов, трав...

— Есть хорошая традиция в отечественной медицине — лучшие наши врачи много и эффективно работали на общественном поприще. У меня всегда вызывала восхищение гражданская позиция Пирогова, Боткина. А Чехов? Он ведь ехал на Сахалин не как писатель (хотя, конечно, это было главное в нем), а как врач. И сегодня ведущие наши медики — Блохин, Чазов — видные деятели движения сторонников мира. Борьба за жизнь, утверждать ее — призвание медика. В наше время гражданственность самой профессии врача обязывает не замыкаться в узкой сфере специальности.

Зрелость суждений идет от зрелости мышления, общественного поведения. Владимир Савельев, потомок великого поэта в седьмом поколении, воспитанник комсомола, хорошо понимает важность своей гражданской миссии, ответственность перед народом, родной землей. Вспомним его признание: «Пушкин никогда бы и ни за что не променял Россию, Родину — и в этом он всегда современен...»

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РОДСТВА

Алексей Николаевич Савельев

— Характер Алеши — общественный, — убежденно говорила о любимом своем правнуке Софья Николаевна Данилевская. — Узнаю себя в юные годы с заботами о детских яслях для крестьянских детей, домашней школой, врачеваниями...

нием. Интересный, во многом для меня загадочный юноша, одно в нем как бы исключает другое, но как понятна мне эта сложность поисков себя — в себе самом...

Мудрая прабабушка, одолеваемая недугами, но не растратившая до последнего своего часа ясности мышления и богатства души, часто разговаривала с Алешей, делилась воспоминаниями, расспрашивала о жизненных планах, о потаенном и близком, казалось: роднее этих двух людей нет на свете. В Алеше она оставила как бы духовное завещание потомкам: ему передала все, что знала о Пушкине, о роде Гоголей, семейные предания, свои представления о счастье, о труде, о людях...

Об Алеше мы разговаривали с Софьей Николаевной, когда он готовился к экзаменам на аттестат зрелости. Человек прожил на земле шестнадцать лет. Мало? Все зависит от умения делать жизнь насыщенной, богатой. Правду же говорил Сухомлинский: духовная зрелость приходит к человеку с видением жизни своего поколения как одного из звеньев в бессмертной цепи человечества. Счастлив тот, к кому это видение, понимание цели жизни приходит в юные годы. Тогда и к шестнадцати сумеешь сделать немало. А зрелость и состоит в осознании дела жизни, смысла труда и долга перед обществом, в умении в меру сил своих отдавать долги с юных лет.

— Знаете, у Марины Цветаевой есть емкое признание: «Пушкин меня заразил любовью», — продолжала Софья Николаевна в том памятном разговоре. — Пушкин и вправду «заразил» наш род жаждой общественной деятельности,

любовью к ней. Но у Алеши все это началось намного раньше, чем у всех нас.

Когда же? Алеша склонен считать: еще до школы. Дедушка, Владимир Акимович Савельев, Николай Владимирович и Зинаида Кузьминична любили ходить в полтавские музеи. И всегда брали с собой Володю и Алешу. Смешливый мальчишка на ходу ловил каждое слово экскурсовода, дома старался расспросить всезнающего деда, и когда через некоторое время попадал в музей, поражал знанием экспозиции, умением общаться с людьми.

Конечно же, Алеша выросал как все. Правда, в школу он пошел на год раньше — дедушка и бабушка, родители подготовили его к учебе, сумели привить страсть к знаниям сызмала — те же экскурсии в музеи во многом этому способствовали. И еще сумели передать увлечение поиском новых знаний, вещей, которые открывали новые знания. Вспомним снова Сухомлинского, говорившего: «Если в детские годы самым важным источником духовной жизни человека является мир вещей — их сущность, причинно-следственные связи и зависимости, то в годы отрочества перед ним открывается мир идей».

Алеша так и шел — от мира вещей к миру идей. Рано увлекся коллекционированием. Сначала это было различное старье — самовары, посуда, домашняя утварь. Но он не просто собирал их. Каждая вещь интересовала его как реликвия определенной эпохи. Он хотел узнать, какие мастера, на каком заводе изготовляли, например, самовар, какие события тогда происходили. Если это посуда — как ее рассматривать в процессе развития декоративного прикладного искусства. Перечитал много литературы по

вопросам, которые интересовали,— и это уже было маленьким движением к идее.

Его увлечения менялись. Но каждое из них имело смысл. Он не был рационалистом, но увлечения не уводили от главного — формирования себя как личности. К миру идей он шел через знания. Отсюда — углубленное изучение ряда наук. Сначала его целиком захватила химия — и он посещает химический кружок, дома в подвале ему отводят уголок, который он превратил в настоящий склад препаратов, работает с реактивами. На смену приходят история русского языка, физика, фотография. Но вот что интересно: со сменой увлечений не отпадает интерес к науке, он помогает юному, гибкому уму открывать в себе что-то полезное не только себе. Фотография помогла ему в оформлении для школы ряда альбомов, создании живой истории класса. Физика привела его к радиodelу, и он рано научился собирать приемники, ремонтировать разнообразную радиоаппаратуру в школе и на турбазе.

— У него был определенный талант к физике — интересное теоретическое мышление, золотые руки,— вспоминал один из любимых учителей Алеши Дмитрий Григорьевич Миколенко.— Киноаппаратуру изучил так, что я ему поручал демонстрировать учебные фильмы на своих уроках с шестого класса, да и другие предметники — словесники, географы, историки, биологи — охотно приглашали его как демонстратора.

Историк Владимир Федорович Манько отмечал склонность Савельева анализировать конкретные явления общественной жизни в историческом аспекте, преподаватели русской и украинской литературы — к литературному

следопытству, поиску забытых имен пушкинской эпохи.

Наверное, ему повезло в том, что воспитание его было гармоничным. В семье, где властвует культ поэзии, живописи, книги, музыки, культ великих предков — Пушкина и Гоголя, заботились, чтобы в Алеше как человеке «физик» не перекошил «лирика». С отцом он глубоко изучил художественный музей: не просто экспозицию, а и законы живописи, историю изобразительного искусства, жизнь художников, представленных в музее. Какое-то время учился в художественной школе. Так же внимательно изучал музей Котляревского, Короленко, Папаса Мирного, краеведческий, истории Полтавской битвы. Это было началом самого страстного увлечения — краеведения, подарившего интерес к литературе, искусству слова.

В книге исследователя пушкинской родословной Виктора Михайловича Русакова «Потомки А. С. Пушкина» есть прекрасное свидетельство о десятилетнем мальчишке Алеше Савельеве, который начал увлекаться краеведением:

«...С первой встречи он покорила меня безупречной воспитанностью, умением непринужденно разговаривать со взрослым человеком. Алеша познакомил меня со своими коллекциями, показал интересные семейные альбомы, комментируя каждый снимок. В его глазах так и светились добродушие, доверчивость и любопытство. В продолжение целой недели он был моим гидом по Полтаве. Мы гуляли по городу, побывали во многих памятных местах...

В какой бы музей мы ни пришли, Алешу тотчас узнавали посетители залов и экскурсоводы: «Проходи, Алеша, показывай наш музей гостю».

Звонкий голосок моего десятилетнего экскурсовода не умолкал ни на минуту. Говорил Алеша толково, живописно. Для своего возраста он знал очень много. Рассказывал об истории Полтавы и Украины, о Котляревском, Панасе Мирном и Шевченко, о Короленко и Макаренко. И, конечно же, о своих родственниках — Пушкине и Гоголе, которыми гордился с малых лет».

И не просто гордился. В детские годы он увлекся темой «Друзья Пушкина». Сначала составлял картотеку, потом — публикации, которые помогали глубже познать пушкинское окружение, жизнь великого предка. О своих разысканиях сделал сообщение в школьном краеведческом кружке. Алешу пригласили на областную детскую экскурсионно-туристскую базу, где он стал одним из самых популярных гидов.

Он честно завоевал авторитет. Турбаза принимала школьников не только своей области, но и из многих городов страны. Летним днем 1975 года, когда поток экскурсий явно превысил возможности базы, дирекция рискнула поручить Савельеву провести десятиклассников из Днепропетровска и Кировограда по городу и в художественный музей. Юноши и девушки с недоверием смотрели на тринадцатилетнего гида. Кое-кто возмущался: что же он нам покажет-расскажет, кроме улиц да поворотов? Но скоро, походив по городу, забыли о своих опасениях, Алеша так ярко рассказывал о примечательных местах родного города, что они, как говорится, рты разинули. И совсем очаровал он их в музее. С пронзительным пониманием искусства живописи, образно рассказывал он им о картинах Ярошепко, Шишкина, Репина, Маковского, Мясоедовых, Сурикова, Савицкого, Левитана,

Нестерова, Грабаря, Самокиша, об исполненных высокой поэзии цветочных симфониях народной художницы, простой колхозницы Екатерины Белокур, о художественных школах и направлениях. Директор музея, известный искусствовед Киля Григорьевич Скалацкий, случайно зашедший взглянуть, как дела в зале, был поражен познаниями подростка.

Потом Алеше поручали самые ответственные экскурсии. Он принимал учителей и школьников Донецка, Киева, Николаева, Арзамаса и других городов. Ему приходилось возить экскурсии в Диканьку, знакомую всем по пушкинской «Полтаве», и тут юный потомок поэта показывал не только эрудицию, но и хорошее знание поэмы, ее жизненного материала. И совсем на «коне» был он в музее истории Полтавской битвы. Все он изучил: и расстановку войск, и положение в крепости и окружающих селах, и весь ход Северной войны.

Кстати, когда Алеша вступал на филологический факультет Ленинградского университета, на экзамене по истории СССР в билете первым вопросом была как раз Северная война. И преподаватели приятно удивились, услышав подробный и необычайно детализированный ответ абитуриента:

— Вы, Савельев, наверное, специально в Полтаву ездили изучать историю Полтавской битвы?

— Нет, я там живу, а полтавчанину стыдно ее не знать.

Классный руководитель Алешы, педагог-коммунист Сима Рахмиловна Рудяк, семь лет помогала гранить характер любимого ученика. Да и многие педагоги коллектива десятой школы, первым директором которой в советские годы

был Антон Семенович Макаренко, а среди питомцев — руководитель комсомольского подполья в годы войны Герой Советского Союза Ляля Убийвовк и народная артистка Советского Союза Ада Роговцева — имеющей большие традиции систематических педагогических наблюдений, немало сил приложили к воспитанию подростка. И от них я услышал то же, что когда-то сказала о правнучке Софья Николаевна:

— Савельев был у нас человеком общественным. И замечательно скромным!

Он многое успевал сделать. Учился, отмечают педагоги, необычайно прилежно. В каждом предмете умел находить интересное. Сима Рахмиловна вспоминает, что даже математику он изучал по-своему, ему был близок человек в науке, драматизм и романтика поиска. Он с упоением читал книги о выдающихся математиках, в своих ответах на уроках использовал факты борьбы научных идей, гипотез, умел взять из жизни, научной деятельности Лобачевского, Чебышева, Остроградского то, что поднимало человека, общество к прогрессу, открывало перед ним новые возможности.

— Теоремы, уравнения у него были одухотворены, — рассказывает учительница. — Во всем отражалось эстетическое, нравственное восприятие знаний.

В старших классах Алеша серьезно, основательно занялся русской литературой и английским языком. Он и факультатив посещал по этим двум предметам. Интерес к литературе у него был столь велик, что с разрешения дирекции в восьмом классе посещал и факультатив для десятиклассников. Он углубленно изучал поэзию первой трети XIX века и на одном из

занятий выступил с эмоциональным, хорошо подготовленным полуторачасовым докладом «Пушкин и поэты пушкинской поры». На протяжении трех лет на факультативных занятиях Савельев изучал возникновение и развитие русского реализма и проблемы современной литературы. Он избирал для изучения и докладов «пезаезженные» темы и всегда выступал с оригинальной оценкой творчества того или иного писателя. Он сумел самостоятельно разобраться в творчестве поэтов-петрашевцев. А доклад о «Трудном времени» Слепцова построил на полемике с комментарием к этому произведению Ремизова и оценками писателя дореволюционными литературоведами Брусяниным и Овсяпико-Куликовским. Увлекался современной поэзией. Преподаватели помнят его интересные суждения о ее природе, близости к музыке, о насыщенности конфликтами чувств, усиленное внимание к духовному миру человека. Реферат был отмечен на областном конкурсе, проводившемся отделом народного образования.

Вскорости Алешу избрали членом комсомольского бюро. Он отвечал за культмассовый сектор. Как-то исподволь он всех увлек театром — смотрели «Наталку Полтавку», «Платона Кречета», «Коммуниста», «Энеиду», «Мачеху». Стали завсегдатаями филармонии, ходили на концерты известных артистов — лауреата Ленинской премии скрипача Леонида Когана, украинского соловья Дианы Петриненко, пианиста Игоря Жукова, в театр исторического портрета Игоря Шведова с его «Ленинианой», слушали и других мастеров. Мы видели: ему приятно открывать для нас, одноклассников, мир прекрасного, приучающий мыслить и действовать.

В юном Савельеве учителя рано заметили педагогические способности. В школьном комитете комсомола ему поручили заниматься с пионерами. Он всю душу вкладывал в выполнение этого поручения. В летние месяцы работал отрядным вожатым в построенном по проекту его отца пионерском лагере «Василек».

В жажде общественной работы он был так же неутомим, как и в жажде знаний. Зная и любя поэзию, часто читал на концертах стихи Пушкина, Евтушенко. К годовщине комсомола подготовил сценарий большого вечера-монтажа, сам и поставил его на школьной сцене.

Как-то, узнав, что их товарищ — один из прямых потомков Пушкина, родственник Гоголя, одноклассники попросили его показать семейные реликвии. Алеша отпирался, как мог, но когда его уговорили, получился прекрасный вечер. Конечно же, он рассказал о жизни и деяниях потомков поэта, но больше говорил об ответственности каждого за честь своего рода, потому что в каждом есть что-то общественно важное, достойное памяти. А из реликвий он показал не пушкинскую, а гоголевскую — русско-французский словарь 1831 года, с которым Николай Васильевич ездил в Рим.

— По этому словарю пять поколений в нашей семье изучали французский. У нас он как эстафета знаний, напоминание о необходимости нести их свет другим...

С этой благородной целью он и поступил на филфак Ленинградского университета, на отделение по подготовке преподавателей русского языка как иностранного.

В группе его заметили по результатам первой экзаменационной сессии. Доцент Татьяна

Аполлоновна Иванова убедилась в немалых лингвистических способностях Савельева, его одаренности по тому, как он относится к изучению старославянского языка. Одним из самых способных студентов считали его и Людмила Витальевна Капорушина, Людмила Александровна Ивашко. Диплом Алеша защитил блестяще, и его оставили ассистентом кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов...

Но, наверное, не имело бы смысла рассказывать об увлечениях Алексея Савельева, если бы они не проявились и в его университетские годы. Ибо за ними — характер!

Будущий филолог, уже твердо избравший свою стезю в науке, и в Ленинграде продолжал свое увлечение медициной. Да такое увлечение, что одно время замыслил даже поделить себя между двумя этими нужными профессиями.

Еще в Полтаве, во время школьных каникул, он загорелся любовью к хирургии. По совету доброго друга семьи, доцента кафедры общей хирургии медицинского института Владимира Федоровича Постникова, повадился в хирургическое отделение первой городской больницы и... «заболел» основательно и надолго мечтой стать хирургом. Он имел возможность наблюдать, как хирурги помогали при переломах, вывихах и других травмах. Старший брат Володя поддерживал это стремление, но тогда в Алеше победила «лингвистическая» страсть... А в Ленинграде тайком от друзей ходил на травматологический пункт Первого медицинского института. Четыре года работал он здесь — не ради денег, хотя и они были не лишние, — а самоотверженно помогая людям. Врачи говорили ему:

«Ты — наш, тебе дорога в травматологию, у тебя же божья искра к нашему ремеслу». Алеша признавался, что работал он в больнице «с восторгом», но и этот восторг не помешал в конце концов понять: медицина все-таки не для него, слишком уж увлекла его лингвистика — и не отпустит до конца. Профессионалом можно быть только в одном деле — и на всю жизнь!

Учеба и общие комсомольские дела сблизили его с девушкой из их же группы, Машей Потехиной. Они и поженились студентами, и защитились в один день. И самое радостное событие в их юной жизни — рождение сына Коли, появившегося на свет 12 декабря 1984 года, третьего в седьмом поколении пушкинских потомков, для обоих было исполнено той же знакомой со студенческих лет радости открытия нового, познания тех человеческих радостей, которые только и дают нам возможность почувствовать свое продолжение в мире.

...Он, Алексей Савельев, всегда помнит, чьего рода он побег. В Ленинграде любит быть в местах, связанных с именем Александра Сергеевича. Идя по Невскому проспекту, Дворцовой площади, по Стрелке Васильевского острова, он мысленно переносится в далекое время, когда по ним ходил Пушкин. Один из первых его визитов был в последнюю обитель поэта, на набережную Мойки, 12. С душевным трепетом стоял прапрапраправнук Пушкина в доме, где погасло «солнце русской поэзии», — и все здесь было исполнено величия. Был он и на торжественно-памятном собрании 10 февраля 1979 года — оно проводится ежегодно в два часа сорок пять минут дня, когда навеки остановилась пушкинская жизнь, чтобы продолжиться в бессмертии.

А вскоре вместе с В. М. Русаковым они были на встрече с книголюбями — членами литературного клуба «Молодой Ленинград», и Алешу здесь приветствовали как представителя славного русского рода. В те минуты он особенно остро ощутил, как дорог Пушкин для советских людей, как велика ответственность — нести в себе родство с ним.

Он, Алексей Савельев, комсомольский секретарь факультета, молодой педагог-лингвист, серьезно занимающийся научными проблемами, — его продолжение. Продолжение жизни поэта, гражданина, человека, который олицетворяет величие и душу народа, Родины.

Потомок поэта учит русскому языку иностранцев. Что-то есть в этом знаменательное: пушкинский род несет миру красоту и величие языка — языка не только очаровательнейшей поэзии, но и — в первую очередь — языка Октября.

ДВИЖЕНИЕ К ИДЕАЛУ

Наше чувство к Пушкину, чувство людей последней четверти двадцатого века, вполне осознанно: он для нас идеал, высшее проявление не только поэзии, но и жизни.

Он впервые раскрыл глаза на счастье жизни, говорил Луначарский. И уточнял: «Все основные элементы жизни: природа, здоровье, молодость, дружба, любовь — он испытывал как глубокое счастье».

С высоты прожитых советским народом лет, достижений пушкинистики мы могли бы включить на совершенно научной основе в этот перечень еще один важный элемент жизни гения —

глубокое гражданское чувство и на этом основании расширить понятие любви.

Пушкин потому и стал нашим современником, что исповедуемый им идеал счастья явился как бы из естества его бытия, его творчества. Жить ярко, полно, страстно, отдавать себя делу, Родине, счастьем других — вот главный нравственный урок поэта.

И не потому ли мы так жадно вглядываемся в жизнь его потомков, чтобы в них ощутить живое биение сердца, напряжение мысли Пушкина в деле, которое мы делаем сообща? Испытать счастье, которое он предвосхитил и которое социалистическое общество дало каждому человеку, пушкинской мерой!

Гений был скромен, когда, с душевным трепетом заглядывая в будущее, писал: «Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?»

Но потомки его уважены не только за кровное родство с ним. Посвятив свой труд служению идеалам социалистического общества, вот уже несколько поколений пушкинского рода воплощают на деле высокие гуманистические устремления великого предка, творя, приближая будущее. Полтавские потомки поэта созидают открытое им счастье бытия, реально воплощают в себе движение к Пушкину как критерию жизни — жизни-борьбе, жизни-творчеству. Жизни в самом высоком значении этого слова.

СОДЕРЖАНИЕ

«Русский человек в его развитии...»
5

ДУМ ВЫСОКОЕ СТРЕМЛЕНИЕ...

«Берег, милый для меня»
11

Детству предана беззаветно
31

ТОВАРИЩИ ТРУДОВ...

«Одна, но пламенная страсть...»
47

В жизни — боец
60

Честный дар большого сердца
73

Талант доброты
91

Мускул работы
98

«Цель художества есть идеал...»
108

ПЛЕМЯ МЛАДОЕ, НЕЗНАКОМОЕ...

Гражданином быть обязан
119

Ответственность родства
129

Движение к идеалу
141

Литературно-художественное
издание

ИВАН СИДОРОВИЧ БОКИЙ

ВЕТВЬ
ПУШКИНСКОГО
РОДА

Полтавские
потомки поэта

Очерки

Издание второе, дополненное

Редактор

В. В. Сосидко

Художественный редактор

А. С. Трофименко

Технический редактор

В. Я. Козинченко

Корректор

Н. Е. Долженко

ИБ 1771

Сдано в набор 17.06.86. Подпи-
сано в печать 27.08.86. БЦ 08369.
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага глуб.
печ. Гарнитура обычн. новая. Печ-
чать высокая. Усл. печ. л. 5,26.
Усл. краскоотт. 5,41. Уч.-изд. л. 5,16.
Тираж 15 000 экз. Заказ 6-250.
Цена 45 к.

Издательство «Прапор»

310002 ГСЦ, Харьков-2,

ул. Чубаря, 11

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,

310057, Харьков-57,

ул. Донец-Захаржевского, 6/8.